

739 —
968

Институт Востока

Файзулла ХОДЖАЕВ.

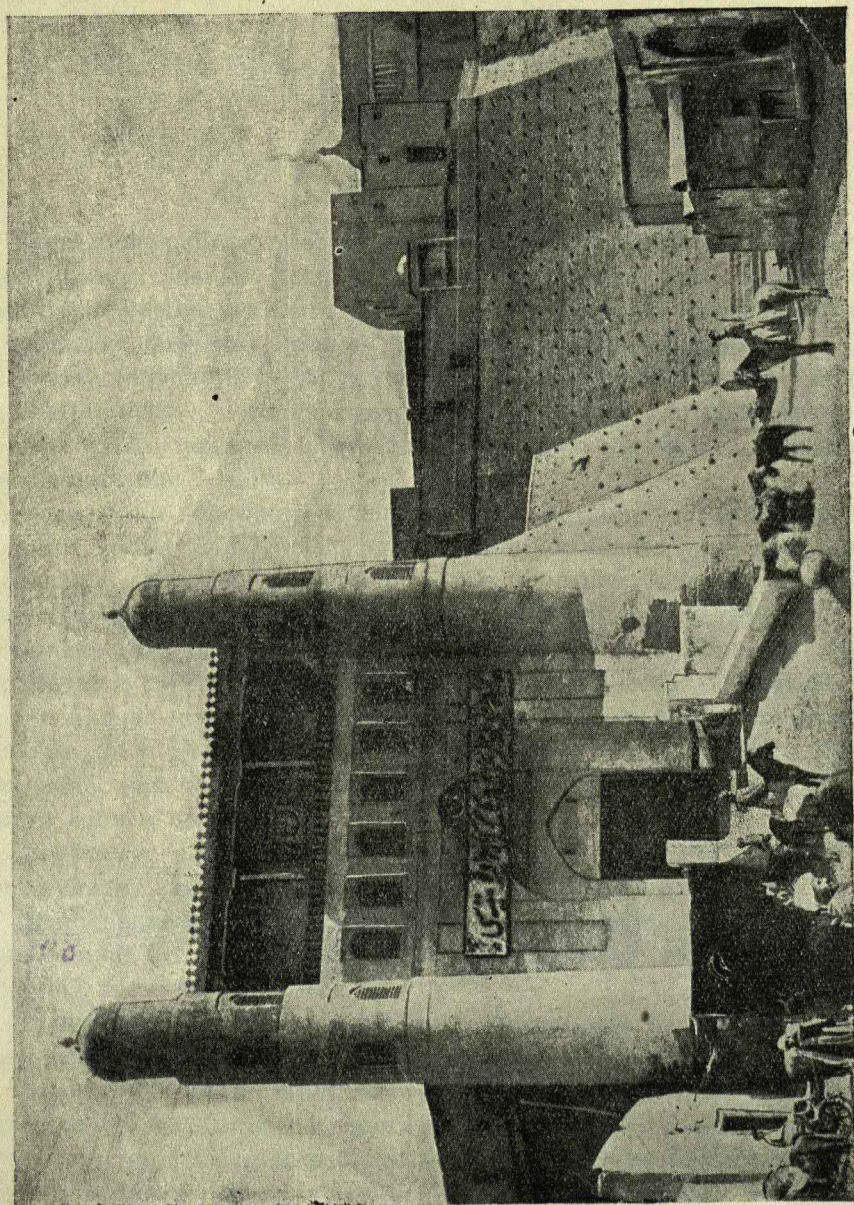
X

К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ В БУХАРЕ.

УЗБЕКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Ташкент.

1926 г.

«Арк» — дворец и крепость эмира в Старой Бухаре.

О Т А В Т О Р А.

Настоящая работа представляет первую попытку воспроизвести по документам, личным воспоминаниям и свидетельствам современников историю революционного движения в Бухаре и, в частности, историю развития движения местной интеллигенции—джадидизма.

На эту тему в 1921—22 г. вышла небольшая книга под названием «Материалы к истории Бухарской революции», автором которой был один из основателей и руководителей джадидизма с первых дней его возникновения—Айни.

Книга Айни содержит очень ценные материалы, освещающие отдельные этапы движения джадидов. Она особенно интересна с психологической стороны, давая прекрасное описание переживания отдельных руководителей джадидизма, в том числе самого Айни.

Однако, как материал к истории революции в Бухаре, эта ценная работа, к сожалению, имеет целый ряд крупнейших недостатков, которые подчас искажают не только отдельные факты исторического характера, но и дают неправильную, слишком отвлеченную оценку джадидизма, как общественно-революционного движения, не исчерпавшего себя и по сей день.

Интереснее всего выходит у Айни попытка трактовать джадидизм и большевизм, как единое неразрывное связанное целое.

За последнее время в связи с политикой партии в отношении интеллигенции история джадидизма снова вызывает интерес широких партийных и советских кругов.

Начинают появляться на эту тему статьи, как в периодических, так и научных местных и союзных журналах.

Но, как и в книге Айни, так и в большинстве этих отдельных работ остается не вскрытой мало освещенной и исследованной внутренняя динамика джадидизма, сложное, часто и противоречивое развитие его организации совершенно не освещено у Айни.

Движение, известное под именем младо-бухарского, ими отождествляется с джадидизмом.

Между тем, становится совершенно необходимым внести некоторую ясность в смысл происходивших событий не только с точки зрения исторической справки, но и для оценки отдельных, происходящих на наших глазах революционных процессах.

И в этих целях автор, собрав имеющийся у него и других товарищей материал, частью по памяти, решил издать настоящую работу. «К истории революции в Бухаре».

Автор отчетливо сознает, что эта, написанная в основном по памяти и наспех, работа имеет много отдельных недостатков и неточностей, что она отнюдь не дает исчерпывающего анализа освободительного движения в Бухаре, тем более в объеме нынешнего Узбекистана (это дело будущего историка Революции в Средней Азии). Но все же он надеется, что его небольшая работа принесет известную пользу всем интересующимся освободительным движением на Востоке, в частности, в Бухаре, а неизбежные при указанных работах ошибки и неточности будут исправлены другими участниками описываемых событий, оставшимися в живых по сей день.

Истоки джадидизма.

Уже с Русско-Японской войны и революции 1905 года стало заметно оживление прогрессивных элементов в наиболее развитых и образованных кругах коренного населения Бухары и Туркестана, получившие позже название—джадидизма.

Русская революция 1905 года оказала непосредственное влияние на общественное движение среди отсталых народов самой Европейской России, в том числе и среди Турко-Татарских племен, способствуя возникновению массовых революционных и националистических партий и групп, и она же, по мере углубления и расширения революционного процесса, оказывала давление на ход развития событий и в таких отдаленных окраинах, как Туркестан или в таких полусамостоятельных независимых государствах, как Бухара и Хорезм.

В результате это революционное движение крепко связывало Среднюю Азию, незаметно для нее самой, со всем ходом общественно-политического развития России. Так, например, в течение многих лет татары Центральной России, Крыма и Кавказа влияли на весь ход политического и культурного развития народов Средней Азии.

Их газеты: «Тарджиман», «Вакт», а в последние годы также сатирические журналы «Муллы Насретдина» сыграли крупную роль в развитии прогрессивных и национально-освободительных идей у народов Средней Азии. Само название, под которым шла борьба, само слово «джадид», под которым объединились прогрессивные силы в Ср. Азии заимствовано также, как и «кадыми», под которым понимались все силы реакции, от татар, хотя слова эти собственно арабского происхождения: «джадид»—новое, и «кадыми»—старое. Так, именно, постепенно из отдельных групп свободомыслящих и прогрессивных людей сначала в виде нескольких культурно-просветительных обществ в Бухаре, Ташкенте, Фергане и Самарканде и сложилась Джадидская организация.

Эти общества, ведшие сначала пропаганду за реформу существующих школ, вставшие затем на путь необходимости светской системы образования и потребовавшие небольших реформ, в дальнейшем своем развитии, как известно, превратились в Туркестане в легальное движение культурно-просветительного характера, присоединившее впоследствии к своим культурно-просветительным домогательствам еще требования мелких административных реформ, а после Революции 1917 года прошедшее под знаменем автономии Туркестана.

В Бухаре движение прошло другим путем.

Начав с разговоров об облегчении налоговых тягот дехканства и мелких торговцев и о необходимости общего упорядочения налогового

дела, Бухарский джадидизм постепенно сложился в настоящее тайное общество с многочисленными членами, филиалами и массой сочувствующих среди самых разнообразных слоев Бухарского населения.

Иначе и не могло быть. Разница в путях национально-освободительного движения в Туркестане и Бухаре вытекала из разницы хозяйственных и политических отношений, сложившихся к тому времени в Русском Туркестане и в полунезависимой Бухаре.

В Туркестане с его более высоким, в сравнении с Бухарой, хозяйственным укладом, с наличием больших кадров русских рабочих и значительным развитием деятельности русских политических партий, обстановка для развития прогрессивных идей была куда благоприятнее, чем в находившейся под двойным царско-капиталистическим гнетом деспотической средне-вековой Бухаре.

Возможность легальной работы толкнула Туркестанских джадидов на легальный путь; тяжесть эмирского деспотизма заставила бухарских джадидов организовать тайное общество.

Таким образом, джадидизм и туркестанский и бухарский, имевший один и тот же источник, а именно, Русскую Революцию 1905 года, в дальнейшем разделился, вернее получил в Туркестане и в Бухаре различное организационное оформление, определившее пути политического развития.

Несомненно, что идеи, проповедуемые джадидами в Бухаре, разделялись и в Туркестане и, наоборот, но уже и тогда не было единства цели и средств между туркестанской и бухарской джадидскими организациями.

Отдельные джадиды Туркестана и тогда понимали эту разницу и всеми силами старались содействовать достижению общего благоприятного результата, несмотря на всю разницу приемов и средств в джадидских организациях Бухары и Туркестана.

В этом отношении нельзя не упомянуть имени Махмуд Ходжа Бек-Буди. Едва ли кто из Туркестанских джадидов того времени может сравниться с ним по политической, общественной деятельности и разнообразию знаний.*)

Что касается джадидов в Бухаре,—о них надо сказать, что они, представляемые отдельными прогрессивными элементами, недовольные средневековым деспотизмом эмиров и той ужасной беспросветной политической обстановкой, какая была в Бухаре, вначале не имели никакого твердого организационно-партийного оформления и, в значительной мере, представляли из себя не политическую партию, а просто кучку фрондирующих интеллигентов. Все же, именно, эта кучка явилась тем зародышем, из которого развилось впоследствии сильное национально-прогрессивное движение, известное под именем джадидизма.

Джадидское движение приобрело организационный характер только с 1910 года, когда под влиянием Турецкой и Персидской революции весь мусульманский восток был охвачен ярким национально-революционным возбуждением.

*) Махмуд Ходжа Бек-Буди — автор нескольких революционных пьес, редактор и издатель журнала „Айна“ (зеркало), руководитель джадидизма в Самарканде активный участник событий 1917 года в Бухаре, популярный общественный деятель узбеков, казненный эмиром в г. Карши.

Махмуд-Ходжа Бек-Буди

Эмирская Бухара.

Каковы же были цели, состав и средства джадидской, впоследствии младо-бухарской, организации?

В какой обстановке приходилось ей действовать?

В отличие от Айни, у которого выходит, что все началось внезапно, как по мановению волшебной палочки от того, что идея джадидизма взбрела в голову Ахмада-Калы, мы считаем необходимым начать именно с этой обстановки, с тех экономических, культурных и политических предпосылок, на фоне которых и благодаря которым развился джадидизм.

Эта работа, конечно, не ученое исследование, мы не претендуем на исчерпывающий анализ эмирской Бухары, но набросать хотя бы легкий силуэт общественных взаимоотношений и противоречий между отдельными слоями и группами бухарского населения, нам кажется, совершенно необходимо, ибо вне взаимодействия этих сил, вне связи с этой борьбой, как она развертывалась в дореволюционной Бухаре, непонятным и случайным явится само джадидское движение.

Бухара того времени представляла из себя даже при сопоставлении ее с отставшей политически и хозяйственно от Запада на десятки лет царской Россией странный и уродливый анахронизм.}

Географическое положение в самой глубине Средней Азии, вдали от столбовых дорог современной культуры, но в самом центре мировых путей древности, забитое безграмотное население и в то же время на каждом шагу следы высокой арабско-персидской культуры, ставшей для нашего времени тоже, конечно, анахронизмом, тяжкий деспотизм эмира и весь строй древней деспотии, искусственно консервируемый и охраняемый из политических видов русскими штыками,—такова была эмирская Бухара.

Никакого законодательного органа, кроме воли эмира, никаких законов, кроме религиозных законов шариата, никаких гарантий личной и имущественной неприкосновенности не было у населения Бухары.

В каждый данный момент любой подданный мог быть схвачен по приказанию эмира и имущество его конфисковано. Никаких выборных органов не знала Бухара. Управление осуществлялось неконтролируемыми населением чиновниками, директивы которым давались в тиши дворцовых канцелярий. Естественно при такой системе пышным цветом расцветали взяточничество и произвол. Население, с которого эмирские чиновники собирали тяжелые налоги, лишено было даже утешительного права знать, куда идут собранные с него денюжки.

Разграничение государственных доходов и расходов от личного хозяйства эмира не принадлежало к числу эмирских добродетелей. Управление огромной страной велось, как управление домашним хозяйством эмира. Оно именно так и было: эмиры и рассматривали Бухару, как свою вотчину, как свое домашнее имущество.

Все это совершенно обычно для ранних феодальных эпох, так это было и в европейском средневековьи, когда государственно-правовая и частно-правовая области еще не разграничивались ни в сознании управляемых, ни в сознании правителей.

В кишлаках господствовало полунатуральное хозяйство, местами (Восточная Бухара) носившее даже чисто натуральный характер. Все же было бы грубой, хотя и часто встречающейся, ошибкой считать хозяйство Бухары в целом натуральным.

Под влиянием растущих экономических связей с Россией, все большую и большую роль в хозяйстве Бухары стали играть так называемые технические культуры, главным образом, хлопок, что, конечно, несовместимо с натуральностью и указывает на ярко выраженную товарность дехканского хозяйства.

Вот на этой-то растущей товарности, мы должны остановиться подробнее.

Русский капитализм, занявшись вплотную Средней Азией, покрыв ее целой сетью своих банков, торговых контор, скупая усиленно дехканское сырье и поставляя в Среднюю Азию свою мануфактуру и другие фабрикаты, этот русский капитализм в своем поступательном шествии вносит глубокие изменения в экономику и, следовательно, и в социальную структуру Туркестана и Бухары.

Европейская капиталистическая цивилизация со всеми сопутствующими ей отрицательными и положительными явлениями, как-то: товарищацией дехканского хозяйства, растущим расслоением дехканства, выделением на обоих его полюсах бедноты и кулачества, ростом торгового капитала и разложением старых феодальных и родовых связей и т. д., совершенно преобразила за последние десятилетия лицо Туркестана.

В Бухаре существовали те же явления, то же внедрение русского капитализма в патриархальную, средне-вековую жизнь, но там они были гораздо слабее.

Основным тормазом для капиталистического развития служила эмирская власть и все вытекающие из существования этой власти следствия.

Отсутствие правовых гарантий не давало местному капитализму возможности нормально развиваться; старые, докапиталистические порядки, с „кормлением“ чиновников, со ставкой на родовых феодальных вождей на окраинах и на духовенство по всей стране, усиленно поддерживаемые эмирским правительством, также являлись солидным препятствием на пути европеизации Бухары.

Я уже сказал, что старая арабско-персидская культура свила себе прочное гнездо в Бухаре.

Бесчисленное количество школ, медресе, философы, писатели и отдельные выдающиеся ученые в свое время превратили Бухару в светоч арабско-персидской культуры.

Духовное влияние Бухары во всей Средней Азии, вообще, среди всех мусульман суннитского толка, было огромно.

Бухарские эмиры считались вторыми после турецких халифов государями в мусульманском мире. Десятки тысяч мусульман Туркестана и России до самой революции учились в духовных школах Бухары.

Вот это-то особенное положение Бухары, как духовного центра Ислама в Средней Азии, делает всякие реформы в ней одновременно и очень важными и очень трудными.

Старая духовная культура и верные ее служители муллы—духовенство—в течение сотен лет создали великолепно сколоченный аппарат уловления душ и руководства ими. Эмир Бухарский был окружен могущественнейшей теократией.

Духовенство Бухары обращает на себя внимание, прежде всего, своею численностью—3% всего населения Бухары—духовные лица.

Это—вышколенная, грамотная (большой плюс в безграмотной стране) армия, хорошо организованная, дисциплинированная и обладающая, кроме того, большими материальными ресурсами, так называемыми вакуфными

землями, пожертвованными в пользу медресе, доходами которых распоряжается духовенство.

Духовенство являлось также основным кадром, поставщиком чиновничества. В руках мулл находился суд: каждый мулла маленькой мечети мог быть, по крайней мере рассчитывал быть, казием. Таким образом, духовенство имело организованный, связанный с государством, политический центр из 12 муфтиев, ахуна и главного казия.

Единение этих двух сил: эмира и духовенства образовывало нерушимую, казалось, силу бухарского правительства, сановную верхушку Бухары. Эта сановная верхушка монополизировала в своих руках все дело управления, суда и образования. Давать населению возможность светского образования, это значило — готовить своих противников, вбивать клин в единую и окостенелую систему средне-вековой традиции, на основании которой управлялась Бухара, и, конечно, правительство на это не шло. Всемерно поощряя старо-методные школы, медресе, духовное образование, заключающееся в изучении священных книг, правительство Бухары, как огня, боялось европейских методов образования. Оно инстинктивно чувствовало, что арифметика и естествознание — верные слуги надвигавшейся капиталистической цивилизации — уничтожат живой анахронизм — эмирскую Бухару. С другой стороны, идеология демократии и торгового капитала, джаиды выставляли первоначально на своем знамени именно требования ново-методных школ, европейского образования и хотя бы ограниченной свободы печати. Они правильно полагали, что лишь при наличии этих необходимых культурных предпосылок возможна освободительная борьба.

Социальная структура эмирской Бухары.

Как складывались общественные взаимоотношения, та социальная среда, внутри которой приходилось работать в Бухаре?

Какова была социальная и политическая физиономия отдельных групп бухарского населения?

Начнем с верхнего конца социальной пирамиды. Наверху были высшие сановники и духовенство. Как уже указывалось, они были тесно связаны между собой, настолько тесно, что одни и те же лица занимали и высшие светские, и высшие духовные должности, например, сам эмир — главный казий.

В их руках, в результате систематического грабежа народных масс, скопились значительные богатства, что позволяло этой группе населения выступить в качестве представителей ростовщического капитала. Ссуды сановников торговцам, финансирование ими торговли, которая, таким образом, становилась зависимой от заимодавцев, были обычным явлением.

Чиновничество, духовенство, финансовая аристократия не были дифференцированы и представляли из себя, как это обычно бывает в ранние эпохи торгового капитализма, одну сплоченную компанию, золоченную верхушку эмирской Бухары.

Конечно, на какое бы то ни было развитие прогрессивных идей у этой части населения, трудно было рассчитывать. Она была безусловно предана эмиру и являлась самым надежным оплотом всяческого мракобесия.

Дальше идет слой бухарского купечества. Многие европейцы считают, что именно бухарское купечество служило главной опорой и резервуаром джаидского движения.

Это совершенно не верно.

Дело в том, что крупного самостоятельного купечества в Бухаре имелись единицы, вся же остальная масса состояла из посредников и маклеров русских торговых фирм и банков. Они служили проводниками русской капиталистической эксплуатации. Роль их сводилась к услужению русскому капитализму. Это была не самостоятельная торговая деятельность, а работа на хозяина.

Все они находились в постоянном и тягостном долгу у банков.

Зависимость бухарского купечества от русского капитала увеличилась еще его финансовой неустойчивостью, слабой платежеспособностью, вызываемой и поощряемой действовавшими тогда законами о долгах.

Не было почти ни одного бухарского купца, который бы не обанкротился. А такие банкротства отражались прежде всего на местном же купечестве, так как взыскания, распространенные на имущество банкрота, в первую очередь, удовлетворяли иски банков, и только остатки шли на удовлетворение купечества.

Купеческая масса была в значительной своей части аморфно-реакционной.

Она очень мало отличалась от прочего населения. Так же была темна и малограмотна, а финансовая зависимость от русского капитала и собственной ростовщическо-чиновной верхушки связывала эту массу с существовавшим строем, делала из нее верхних холопов эмирата. Падкость купечества на медали и халаты только увеличивала эту зависимость.

Очевидно не здесь, не в этой текучей и неустойчивой торговой толпе должны мы искать истоки джадидизма.

Конечно, джадидизм выражал интересы передовой части торгового капитала, но *непосредственно* он строился не руками торгового класса.

Следующим за торговцами по экономической мощности классом являлись в Бухаре сельские кулаки.

Они гораздо более независимы и самостоятельны, существуя, в значительной мере, натуральным хозяйством, они сравнительно слабо подвержены сторонним влияниям и обладают, благодаря своим родовым связям и экономической силе, значительным авторитетом среди окружающего дехканства.

Именно они вместе с духовенством являлись наиболее опасными и упорными врагами всяких реформ, наиболее верными защитниками старого порядка.

Почему?

Их земельные владения не очень значительны—20—30 десятин в среднем, так что помещиками назвать их трудно, но они все же не простые кулаки в нашем современном смысле слова, т. е. не просто богатые крестьяне.

Дело в том, что их земли самые лучшие по качеству, так называемые «*милк*» и «*милк хур*», в части поливной, и «*танхо*» в части богарной, где владения одного лица доходят до 100—150 десятин. Земель «*танхо*» особенно много в средней и Восточной Бухаре.

И «*милк хур*» и «*танхо*»—все это *пожалованные* эмиром земли, своего рода восточные *бенефиции*, с какими хорошо была знакома средневековая Европа.

Глава государства дарит такие земли своим чиновникам за службу, но фактически они службы не несут, а живут у себя на земельных участках, как настоящие маленькие феодалы. Сами они землю не возделывают; за них ее возделывают чайрикеры, которые берут за свою работу $\frac{1}{4}$ урожая. Особенно много таких «кулаков» в Восточной Бухаре. В другой части

этих земель 40% урожая, обычно идущие в пользу государства, передаются в пользование чиновнику, которому эти земли подарены; эта уступка государственных 40% и называется «танхо».

Эмиры знали, что делали. Они через эти подарки создавали на окраинах из вождей племен и родов верных вассалов и через них управляли беспокойным населением окраин.

К стыду нашему, нам уже после революции неоднократно пришлось использовать этот аппарат родовой власти, обращаться за помощью к влиятельным вождям родов и племен.

Дальше шла основная масса мелких товаропроизводителей — дехканство. Именно дехканство выносило на своей спине роскошь и разврат эмирского двора и духовенства, именно оно своим тяжким трудом создавало местные капиталы и прибыли русских капиталистов, именно за счет дехканства, за счет взяток и поборов с него существовало многочисленное жадное чиновничество.

Однако, несмотря на все свое бесправие, несмотря на все, падающие на него, экономические тяготы, дехканство в целом не было в то время настроено революционно.

Оно было слишком темно, забито и безграмотно, слишком явно находилось в цепких лапах духовных лиц, чтобы создать или поддерживать какую-бы то ни было революционную организацию, хотя стихийные крестьянские волнения по тому или иному поводу в Средней и Восточной Бухаре были обычным явлением до завоевания Туркестана царским правительством, эти волнения каждый раз жестоко усмирялись силами бухарских эмиров, но, конечно, с другой стороны, дехканство не было и оплотом реакции.

Это была нейтральная и пассивная масса.

Пролетариата, в точном смысле этого слова, т. е. фабрично-заводских рабочих в Бухаре почти не было.

Политика русского царского правительства всячески препятствовала созданию в колониальных окраинах местной национальной промышленности. Окраины должны были быть резервуарами сырья для центра, не больше.

Несколько хлопо-очистительных заводов, конечно, не могли создать в Бухаре пролетариата.

Это отсутствие местного национального пролетариата отражалось крайне невыгодно на революционном движении, оно ослабляло и извращало это движение.

Не чувствуя за собой силы организованного пролетариата, бухарские джаиды, а позднее младо-бухарцы, которые, как мы видели, не имели надежной опоры и в слоях населения, естественно, должны были действовать осторожно.

Кроме того, отсутствие пролетариата и необходимость искать других союзников, хотя бы в лице торгового класса, выпячивали вперед националистические лозунги движения и сознательно или бессознательно затушевывали социальные противоречия.

Все же полу-пролетарские элементы в Бухаре были: возчики, водоносы, сапожники, мастеровые и кустари разных специальностей. Все вместе они насчитывали более 10.000 человек. Эти люди, не связанные экономически с господствующими кругами, сановниками эмира и духовенством, но выносящие на своей шкуре тяжелые налоги и эмирский деспотизм, достаточно развитые и подвижные, благодаря городской жизни, могли бы служить хорошим революционным материалом, будь у них ка-

кой-либо организационный руководящий центр. Но такого центра, к сожалению, не было.

Есть еще одна группа населения, которая могла бы явиться действительным революционным фактором, это сельские рабочие и безземельные дехкане.

Сельских рабочих имелось в Бухаре всего несколько тысяч. Поставляли их преимущественно Восточная Бухара, районы Гарм и Куляб, еще Чарджуй (туркмен) и Каракуль (узбеков).

Тысяч двадцать дехкан, обрабатывающих за часть урожая земли беков, эмира и вакуфные, тоже, как ни странно такое явление, оставались в стороне от движения, хотя, несомненно, этот слой кишлачной бедноты было бы вполне возможно вовлечь в революционную работу, сделать активно-революционным, хотя бы и не в такой степени, как городскую бедноту.

Неорганизованность, темнота и забитость тех и других и сельскохозяйственных рабочих, и «половинщиков», а также их распыленность, сбрасывала эти две группы, в глазах джадидов, со счетов наличных сил в борьбе.

Состав и цели джадидской организации.

Кто же все-таки были джади́ды? Из кого преимущественно состояла джадидская организация?

В основном джади́ды были выразителями интересов города, в деревне почти не было элементов, которые могли бы их поддержать. Из городского же населения прогрессивно была настроена его служилая часть (конечно, это не относится к служилым верхам—сановникам).

Большинство джадидов принадлежало к материально средне и плохо обеспеченной интеллигенции или мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники, были и крупные купцы, но, во-первых, их было мало, они составляли исключение, а во-вторых, они не столько сами работали в организации, сколько поддерживали ее материально: назовем хотя бы *Мансурова* и *Якубова*. Были даже крупные духовные лица, например, *Мулла Икрам* (Мулла Икрам известен своей брошюрой, содержащей критику тогдашней Бухары), но в целом партия была партией городского средняка.

Приведу здесь имена и социальное положение некоторых первых ее организаторов. Вот несколько из них: *Айни Садрутдин*—студент духовной школы, дехканин, *Абдул Ваид Бурханов*—писарь, впоследствии мелкий чиновник, *Фитрат*—студент, поэт, сын небольшого городского торговца, *Усман Ходжаев*—сын муллы и небольшого торговца, *Джурабай*—дехканин из Вобкента, первый открывший у себя ново-методную школу, и другие.

Социальных низов первое время в организации почти не было. Потом, после февральской и особенно после октябрьской революции, дело изменилось: революционное движение захватило дехкан и солдат, но это уже не относится к периоду джадидизма.

Об агитации в армии поговорим после, пока же, выяснив состав джадидской организации, постараемся вкратце наметить ее требования, ее платформу (настоящей программой не было) и ее тактику, чтобы иметь перед собой ясный облик джадидской организации, какой она сложилась в предвоенные и военные годы.

Этому средне-городскому и интеллигентному составу вполне соответствовала и платформа и тактика джадидов.

Основными требованиями и задачами джадидов были: борьба с религиозным фанатизмом путем распространения новейшей религиозно-светской литературы турко-татарского издания, введение светских ново-методных, европейского образца школ, взамен старых, чисто религиозных, схоластических и общая перемена всей средне-вековой схоластической системы народного образования на светскую отвечающую требованиям современности, ослабление цензурного гнета, хотя бы частичная свобода печати,—это в области идеологии; в области же экономики и администрации джадиды требовали: снижения налогов, но это не было ясно оформлено, а главное, их упорядочения и точной фиксации, изгнания из этой области произвола беков, которые разными путями доводили налоговое обложение до 30% выработки дехкан, что приводило к полному народному обнищанию.

В области законодательной—введения хотя бы каких-нибудь правовых гарантий, необходимых для правильного функционирования современной, уже приобретшей оттенок капиталистической цивилизации, "народно-хозяйственной жизни Бухары. Здесь джадиды также до конца своей деятельности ясно не выразили того, чего хотели.

Венцом всех джадидских требований, сладкой мечтой джадидизма, его программой максимум, правда разделявшейся только отдельными наиболее передовыми представителями джадидов, так и не получившей признания у сколько нибудь значительной части организации, в последние предреволюционные годы было введение в Бухаре конституции по молодотурецкому образцу.

Таким образом, мы видим, что пропаганда джадидизма ориентировалась на развитии и процветании демократии и капитализма по западным образцам, но значительно уже устаревшим.

Уничтожив средне-вековую деспотию, заменить ее современным буржуазно-демократическим строем—таков был идеал младо-бухарцев позже, в первые дни Февральской Революции.

Здесь мы присутствуем при очень частом в истории Революции явлении, когда интеллигенция является застрельщиком и проводником революционных идей, еще спящих в буржуазии.

Деятельность джадидов до Февральской Революции 1917 г.

Тактика джадидизма вполне логично и в соответствии с обстановкой сводилась в дореволюционное время, в значительной степени, к культурничеству. Для революционного действия и прямой агитации не было тогда объективных данных.

Однако, даже легальная проповедь джадидов наталкивалась на преследования со стороны эмиров и упорное сопротивление темной фанатической массы, всецело находящейся под влиянием духовенства.

В этом отношении характерны события, которые произошли по поводу ново-методных школ *Абду-Вахид Бурханова* и *Низаметдина*.

Еще в 1908 г., после годичного существования, в школах *Абду-Вахид Бурханова* было решено организовать для своих учеников торжественные экзамены в присутствии их родителей, духовенства и городской знати.

Туда же были приглашены представители всех других слоев населения Бухары, всего около 100 человек.

И вот во время экзаменов произошел между собравшимися крупный спор. Все общество раскололось на два враждебных лагеря.

Предметами спора явились: 1) оценка новых школ, 2) предметы преподавания.

Одна группа знатных людей с муллой *Икрамом* во главе считала новые школы, как по форме, так и по существу, весьма полезными для развития народа и процветания страны и не находила в них ничего антирелигиозного или антигосударственного.

Поэтому она высказывалась за реформу, согласно взглядам джадидизма, всей системы народного образования, вплоть до медресе, т. е. высших мусульманских школ.

Другая часть во главе с муллой *Абдуразык* признавала новометодные школы вредными: антирелигиозными и антигосударственными и высказывалась за необходимость общественной и государственной борьбы с ними.

Реакционеры приводили два основных аргумента против новометодных школ:

1) форма обучения в школах не мусульманская, она приближается к русскому или европейскому типу (дети сидят за партами, одновременно пишут и читают и т. д.)

2) новометодные школы не отвечают принципам Ислама и по существу, ибо, хотя в них и преподается религия, но она извращена, а, кроме того, в новых школах преподается целый ряд предметов, как-то: арифметика, география, в особенности, естествознание, которое совершенно противоречит мусульманскому мировоззрению.

Этот спор, где столкнулись старые взгляды с новыми, занесенными из Европы и ближнего Востока, конечно не мог замкнуться в стенах школ, не исчерпал себя препирательством на экзаменах; он должен был выйти и вышел наружу, в широкие круги бухарского общества.

Это было первое крупное столкновение джадидизма с кадидизмом, нового со старым.

Почти все бухарское общество приняло участие в этом споре и раскололось на две группы: джадидов и кадымов, т. е. прогрессистов и реакционеров, во главе джадидов стоял мулла Икрам, во главе кадымов — мулла Абдуразык, известный реакционер.

В виду этого уже с 1915 года джадидам пришлось перевести на полуполюгальное положение почти всю свою деятельность, и, как часто бывает, полуполюгальные кружки стали работать еще активнее легальных. Таких пропагандистских тайных организаций насчитывалось в Бухаре во время войны до 10-ти; самыми сильными и активными были: Бухарская, Керкинская и Маршаузская.

Так шло развитие джадидизма в Бухаре. Джадидизм, возникший здесь позже, чем в других частях Туркестана, нашел здесь более благоприятную почву. Невыносимо тяжкая атмосфера бухарской общественной жизни, двойной царско-эмирский гнет повернули его с пути культурничества на путь политики, что видно хотя бы из литературной деятельности бухарских джадидов, которая была значительно революционнее Туркестанской революционной пропаганды.

Как раз в это время от 1909 до 1915 г. г. появился целый ряд упомянутых нами книг, содержавших жестокую критику существовавшего строя, безжалостно вскрывавшую все его многочисленные недостатки, разоблачавшую гнилую систему эмирата.

Обложка книги Фитрата „Баянат Сайяха-Хинды“ (Заметки индийского путешественника).

بخارا
خلق معارف نظارینند
مرکزی
قصرات خانه سی
اینویستار رقم ۲۷
شعبه
قسم
لایه رقم ۳

مناظره

مدرس بخارایی بایک نفر فرنگی در هندستان
در باره مکاتب جدیدہ

« حقیقت : نتیجہ تصادم افکار است »

طبع اول

اثر قطرت بخارایی
از طرف صاحب اثر نشر خواهد شد

استانبول : مطبعہ اسلامیہ

حکمت

۱۳۲۷

Муназара — дискуссия одного бухарского мударриса с одним „фаранги“ (европейцем) о ново-методных школах.

Сюда надо прежде всего отнести произведения *Фитрата*: «*Сайяха-Хинды*» (индийские путешественники), «*Сойха*» сборник стихов, «*Аила*» и несколько пьес, например: «*Беки-Чан*». Большую роль в освободительной литературе играли раньше издававшиеся в 1912 г. газеты: «*Туран*» и «*Бухараи Шариф*».

С этого момента начинается второй период культурно-просветительной работы джадидов, уже легальный.

Деятельность их попрежнему началась в Бухаре, но скоро распространилась на Шахризьябс и Керки.

Ново-методные школы были открыты следующими видными джадидами: *Абду-Вахид-Бурхановым*, *Усман-Ходжаевым*, *Мукамил-Бурхановым*, *Хами-Ходжаевым* и др.

Основной работой джадидов являлась в это время именно организация ново-методных школ, подробное описание которых мы находим у *Айни*.

Однако, *Айни* совершенно умалчивает о значении этих школ в деле подготовки политической борьбы с эмиром, в деле организации антиправительственных оппозиционных элементов и прямой агитации втянутых в работу школ родителей. Это, возможно, происходит от того, что *Айни* принадлежал к группе старых джадидов, не сочувствовавших активной борьбе с эмиратом и сводившей тактику партии исключительно к культурничеству.

Я лично весьма хорошо помню, как в школах *Усман Ходжаева* *), *Бурханова* и др. неоднократно собирались наши товарищи, собирали родителей, детей и начинали под тем или иным соусом, сначала весьма робко, а затем открыто агитацию против эмира лично и его правительства. Главными аргументами, конечно, являлись: порабощение Бухары царской Россией, отсталость, некультурность, невежество духовенства, разврат и роскошь эмирского двора, произвол властей, тяжесть налогового бремени и многое другое.

Когда в 1913 году в начале 1914 г. эмир закрыл ново-методные школы, *Фитрат*, *Ата-Ходжаев* и многие другие покинули Бухару и в весьма короткое время сумели организовать сеть таких же школ по разным городам. Население встречало их с большим сочувствием. Несмотря на приказания эмирского правительства, местные власти не могли закрыть ново-методные школы в таких городах, как Керки и Шахризьябс, так велика была поддержка этих школ со стороны населения. Вокруг них объединилось все, что было живого в эмирской Бухаре. Они служили той кузницей, в которой выковывались будущие работники революции.

Не подлежит ни малейшему сомнению огромное значение джадидских школ в деле подготовки революции.

Это совершенно неоспоримо.

Так, вокруг ново-методных школ и тайных кружков медленно накапливались силы прогрессивной оппозиции. Эти силы были еще не велики: подлинные широкие массы почти еще не были затронуты джадидской пропагандой, но штаб джадидизма его головка складывалась и оформлялась в этой работе.

*) *Усман Ходжаев* — один из руководителей джадидов культурников 1912—17 г. г., активный участник Мартовского события 1918 г., после сентябрьской революции был назиром финансов; позже представителем ЦИК'а БНСР, в 1921 г. перешел на сторону *Энвер-Паши*.

Медленно, благодаря своеобразию окружающих условий, с большим трудом, но все же рос и креп будущий партийный кадр младо-бухарцев.

Это была кропотливая, тягостная и малозаметная работа и борьба.

Жестокие преследования власти, отсутствие мощной поддержки со стороны какого-либо класса, сильнейшие религиозные предрассудки, давившие, как стопудовая гиря, на сознание народа,—все это, конечно, препятствовало джадидскому движению извне.

Некультурность, зараженность предрассудками, феодально-патриархальный уклад семейной жизни, деловые заботы службы и торговли, вообще, заботы о личном благосостоянии у самих джадидов ослабляли и разлагали движение изнутри.

Партия, как организационное целое, как управляющий аппарат, была слишком слаба, чтобы дисциплинировать своих членов. Особенно бросается это в глаза теперь, когда сравнивать не только джадидское тайное общество, но и неустойчивую младо-бухарскую организацию с железной дисциплиной и организационной структурой РКП.

Джадидизм переживал своего рода кризис в 1914—15 г. г., когда под давлением двойной цензуры были закрыты издававшиеся газеты и усилились придиры эмирской администрации к легальным обществам, в том числе к издательству и книжному магазину «Маарифат».

Этому, конечно, способствовал другой момент, о котором мы не можем не упомянуть и который внес в ряды деятелей джадидизма некоторые разногласия.

Этот момент заключался в том, что, по возвращению своем из учебы—из Константинополя и Оренбурга, многие ученики уже не были согласны со своими прежними учителями—старыми деятелями джадидизма—ни в смысле целей, ни в смысле методов работы. Их уже более не удовлетворяла прежняя мечтательность джадидов, не выходящая из рамок узкого культурничества, замкнутая внутри стен Бухары. Они требовали выдвижения политического момента, точной формулировки политических задач.

В их новых требованиях уже ясно звучали мотивы народничества. Они предполагали бороться за снижение налогов, за облегчение тяжелой доли деханства. Они критиковали деятельность чиновников и требовали вмешательства джадидов в целях ограничения чиновничьего произвола.

Эти новые требования возвратившихся из учебы молодых джадидов нашли горячий отклик у сочувствующей джадидизму молодежи из самых разнообразных слоев населения тоглашней Бухары и они же вызвали первую дифференциацию джадидизма, первое расслоение его рядов на джадидов старого толка и левое крыло, состоящее в основном из молодежи.

Во главе джадидов старого толка встал Абду-Вахид-Бурханов, во главе левых—*Фитрат*.

В своем месте мы укажем на те серьезные последствия, которые вызвали эти разногласия в последующих событиях в Бухаре.

Однако преследования эмирской администрации, с одной стороны, и русского политического агента и царской полиции, с другой, вели организацию к замкнутости и содействовали ее сплочению.

Февральская революция и первый кризис джадидизма.

Однако, разношерстность ее состава и уже наметившиеся политические расхождения, временно не выявляющиеся благодаря преследованиям

эмира, не замедлили обнаружиться, как только условия работы облегчились: немедленно после Февральской революции в России они обнаружались с большей силой и не дали спокойно поработать даже два месяца.

Вначале, после революции, главным моментом разногласий были вопросы отношения к русской Февральской революции, организационные и тактические выводы из этого факта.

Старые руководители джадидов держались того мнения, что под влиянием русской революции эмир пойдет на значительные реформы, вплоть до реорганизации системы управления: учреждения народного представительства, могущего контролировать, если не эмира, то по крайней мере, беков и т. д. и даже ответственности этих последних и Кушбегия перед народным представительством.

Они отсюда делали вывод о ненужности нелегальной работы, о том, что она только извратит движение и отпугнет эмира.

Другие полагали, что эмир вследствие пассивности народа сможет добиться длительного соглашения с Временным Правительством и что реформы, если и будут, то будут незначительны,—поэтому делать организационные выводы и переходить на полную легализацию нельзя, ибо тогда появится опасность полного разгрома организации эмиром.

Эти споры велись пока не организовался объединяющий все легальные и нелегальные группы центр. Но улеглись они только на время, пока Абдул Вахид Бурханов шел на соглашение с меньшинством и начались снова, как только при разрешении целого ряда острых вопросов возникли новые разногласия Абдул Вахида *Бурханова* и его ближайших друзей с меньшинством, возглавляемым Фитратом, и образовался новый центр.

Участвуя очень недолго в новом центре, со всеми руководящими деятелями джадидизма, я был убежден в неизбежности дальнейшего расхождения путей.

Основными спорными вопросами в руководящей группе из 12 человек были:

1) отношение к предполагаемому манифесту эмира;

2) вопросы агитации и демонстрации, в связи с манифестом эмира.

Мы дальше укажем в какой плоскости обсуждались эти вопросы и какие решения были приняты нами. Важно, что в этом споре изжила себя и перестала существовать руководящая группа джадидов из 12 лиц и с нею вместе перестал существовать джадидизм, как единое целое. Я хочу сказать, что именно здесь берет свое формальное начало организация, получившая позже название младо-бухарской революционной партии.

Этот в высшей степени важный факт является одним из положительных достижений джадидизма.

За все это время (1910—1917 г.г.) в однообразной повседневной работе сложилась в Бухаре партия, могущая возглавить национальную революцию.

Февральская революция окрылила джадидов, к этому времени уже создавших из своих перестроенных кадров новую младо-бухарскую организацию.

Она открыла перед нами широчайшие перспективы народовластия. Когда младо-бухарцы увидели во главе своего могучего северного соседа, России, не царскую камарилью, а, казавшееся тогда очень либеральным, Временное Правительство, они решили начать действовать активно и добиться у эмира, при помощи новой русской власти, так давно желаемой,

но смутно представляемой джадидами в общем виде конституционной монархии конституции, а также и европейской системы образования.

Однако, организация была еще не готова к массовой революционной работе: Февральская революция в России застала ее врасплох.

Все же удалось наладить тесную связь с некоторыми весьма важными провинциальными центрами: с Керками, Чарджуем и Шахризямом.

С 1917 года усиленно вербуются новые члены и организация расширяется за счет трудящихся и интеллигенции.

Для руководства этой новой, более активной работой на основах, нами выше указанных, организация избирает Центральный Комитет.

В новый Центральный Комитет вошли: Абдул Вахид *Бурханов* (председатель), *Фитрат* (секретарь), Усман *Ходжаев* (казначей) и члены: Мухетдин *Рафаат*, Муса *Саиджанов*, Атта *Ходжаев*, Ахмеджан-Абдул *Сидов*, я и Хамид *Ходжа*.

Центральный Комитет, чтобы иметь возможность быстро и тайно расширять организацию, предохраняя ее от провокаторов эмира, создал систему «дюжин». Каждый член Центрального Комитета имел под своим руководством 12 человек, каждый из этой «дюжины» организовал новую «дюжину» и т. д. Этой мерой достигались столь важные при нелегальной работе тайна и крепкая спаянность.

Этим путем партия значительно расширялась. Подобных организаций в одной Бухаре создавалось до 50-ти. Вместе с тем перед партией появились новые задачи.

Революция в России, замена царского правительства правительством либеральной буржуазии, совершенно изменила обстановку, в которой действовала младо-бухарская партия: появилась возможность требовать реформы, опираясь на русскую демократию и правительство.

Было бы вполне логично и целесообразно, если бы Россия, уничтожившая у себя самодержавие, пришла бы на помощь бухарским прогрессистам и реформировала деспотический строй эмирской Бухары, своего вассала.

Однако, русское правительство, слишком занятое своими внутренними делами, первое время не обратило внимания на эмирскую Бухару.

Оно не только не обратилось к эмиру с призывом реформировать его средневековый режим, но даже оставило в неприкосновенности в Бухаре прежний царский дипломатический аппарат.

Русский царский резидент *Миллер* и его ответственные сотрудники, всю душу преданные старому режиму, остались на своих местах.

Как мы увидим дальше, это обстоятельство сильно затруднило развитие младо-бухарского движения, так как русское резидентство, должностное по общей политической ситуации быть горячим союзником, хотя бы джадидских прогрессистов, на деле занимало чрезвычайно двусмысленную, если не сказать больше, позицию.

Как бы там не было, Февральская революция открыла перед младо-бухарской партией новые методы и новые пути работы в смысле сотрудничества с сбросившей цепи деспотизма Россией.

Эти пути джадида, конечно, постарались использовать.

На специальном совещании активных младо-бухарцев (я на этом совещании не присутствовал и поэтому точного его состава не помню) был выработан текст телеграфного обращения к Временному Правительству и Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, в котором младо бухарцы поздравляли освобожденный русский народ в лице его Правительства, указывали на историческую связь русского и бухарского

народа и просили Временное Правительство оказать давление на эмира в смысле побуждения его к реформам.

Ответ не замедлил придти: русский резидент *Миллер* и эмир получили из Петрограда телеграмму с пожеланием скорейших реформ и с указанием, что при новом строе в России не может и не должно существовать близкого и соседнего бесправного народа.

Но реформ не последовало.

После долгих ожиданий, Центральный Комитет организации отправил в Петроград новую телеграмму с просьбой воздействовать на эмира.

Эту телеграмму составил я, и, за подписями *Фитрата* и *Саиджана*, она была отправлена в Самарканд для передачи оттуда по телеграфу в Петроград.

Эта уловка, подача телеграммы через Самарканд, нужна была потому, что телеграммы, отправляемые из Бухары, прочитывались русским резидентством, а так как дружеские отношения с эмиром русского резидента *Миллера*, старого реакционера, были слишком хорошо известны, то существовала уверенность, что эмир будет тотчас же осведомлен о тексте телеграммы.

Не довольствуясь только письменными сношениями с Петроградом, организация решила отправить туда делегацию с целью информировать Временное Правительство о положении Бухары, а также всюду, где возможно, агитировать за дело джадидизма среди российских мусульман.

Делегация в составе *Фитрата* и *Усман Ходжаева* выехала в Петроград, но доехала только до Оренбурга, так как там получила известие о выезде в Бухару для урегулирования спора между джадидами и эмиром русской комиссии. Младо-бухарская делегация предпочла быть на месте.

Из всего сказанного ясно, какое огромное значение придавал джадидизм в целом помощи извне, из революционной России.

Без этой помощи, при самостоятельной работе нужны были бы долгие годы напряженной ежедневной подготовки, чтобы провести в Бухаре хотя бы частичные административно-правовые реформы и реформировать дело народного просвещения, не говоря уже о свержении эмира, что и тогда ставилось, как революционная задача.

В это время *Миллер*, несмотря на все свое нежелание, все же принужден был начать осуществлять директивы, данные ему из Петрограда; он стал ежедневно бывать у эмира, иногда по целым дням оставался в Бухаре, где вел переговоры с различными слоями населения, стараясь узнать отношения народа к джадидизму и подсчитать силы прогрессивной и реакционной партий.

Наконец, он пригласил на частное совещание некоторых видных старых джадидов: *Усман-Ходжаева*, *Абдул-Вахид-Бурханова* и других. Их все хорошо знали, как джадидов.

Миллер на аудиенции спросил их, каковы требования джадидов.

Чем бы они могли быть удовлетворены.

Абдул-Вахид и другие, приняв все предосторожности и сохранив партийную конспирацию, каждый персонально, изложили точку зрения джадидов.

Требования младо-бухарцев, поскольку они остались у меня в памяти, сводились к следующему:

1) народное представительство, центральное при эмире и местное при беках, улучшение администрации и контроль народных представителей над нею;

- 2) отмена налогов, кроме установленных законами Шариата;
- 3) свобода школ и печати и, наконец,
- 4) смена некоторых наиболее фанатичных и реакционных сановников эмира.

Миллер ответил, что требования джадидов он считает слишком большими и утопическими, ибо реальной силы у джадидов нет, они малочисленны и принудить эмира все равно не сумеют.

Между прочим, *Миллер* показал собравшимся большую книжку, в которой была записана масса имен членов организации.

Откровенность реакционера сразу открыла нам глаза: *Миллер* не мог иметь этих сведений без измены внутри организации.

Несмотря на все наше старание, эта измена обнаружена не была.

Все же наши усилия и директивы русского правительства не остались совсем безрезультатными.

Манифест эмира и манифестации.

17 марта был объявлен эмиром долгожданный манифест. Он оказался, однако, до смешного ничтожным по существу и не смог удовлетворить младо-бухарцев; с другой стороны, и реакционеры были им раздражены и повели усиленную агитацию через духовенство против манифеста и отступников Ислама, джадидов.

Для яркости приведу здесь полностью текст манифеста; этого все же весьма ценного в истории освободительного движения. Бухары документа:

М А Н И Ф Е С Т.

Он, к которому обращаются за милостью

В непрестанных заботах Наших о благе и счастье всех верноподданных Наших решили мы приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей нашего управления, искоренению всех злоупотреблений и неправильностей оного на выборных началах, согласно желанию народа.

Напоминая всем верноподданным Нашим, что единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный *Шариат*, призываем всех помочь нам в исполнении принятого на себя твердого решения осветить Бухару светом прогресса и знаний, полезных для бухарского народа.

Прежде всего, Нами будут положены незыблемые основания справедливого отправления правосудия и взимания хераджа, зякета и других налогов и обращено особое внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли в особенности с Могущественной Россией. Чиновничеству и всем служащим лицам, над которыми будет установлен контроль, будет определено содержание с воспреещением каких-либо вознаграждений за служебные действия. Нами будут затем приняты все меры к развитию и поощрению в стране полезных знаний, науки в точном согласии с повелеваниями Шариата.

В заботах о здравии, о благоденствии подданных Наших, проживающих в столице Нашей, решили предоставить населению избрать совет достойных, уважаемых народом людей, каковые и озаботятся оздоровлением и благоустройством столицы нашего Ханства.

هو المستعان

منصف و نیرب عمومی نفع را بخود اختصاص داده و ابتدا برضای عموم و ترغیب ملت نمود و ادوات مینایم که دارد و حای حکومت با مصلحت و اسرع و قریب ترتیب امر کرد
و اما برای خود سراسر و احوال را با سباحت و ابرجم و باقیم

کوش روزگار خرابان خود میگردد و جمیع اصلاحات و تبدلات و راههای کوشی ما بر وفق شرع شریف شده و از روی حکم و محرم لغویان این انضباط و ابداعات یارمندی و ارسان باشند که بهر معلوم و مورد تن و توفی گردیده باشند بنیاد و ادوار جاری گردد.

اولاً اقدامات و برای اصلاحات خاصی مبادا است. حالاً بعد از این اعتراضات که در دیرینگی سلطانی و ترقی معانی و تجارت و مملکت مخصوص دولت نوی نوکست و در بعضی موارد و ناموس و تفرقه و شکافان و دنیا و مزاج و بعضی معین متفرک کرده برای بریل بعد از خدمت گذاران و آنها گفتش مخصوص معین نمود و در مکرر برای آنها است سابق هر که از مزاج و احوال ایشان و پیشینه کی رسیده و نمودیم. بابا بهر هیچ اقدامات و اصلاحات و مزاج و ترقی علوم و فنون خود را بر فی شرع و فرائض اعلی آوردیم و برای اصلاح و تأسیس و تدبیر کاران نو که در کمالی نعمت و مستحکات و ازین توفیق و اودم که محمود ملت ساینان را بی غیبت ازین خود با اینها همان صاحب ثروت و مشورالافکار را از آنجا نمود. مجلسین و مجلس کرده برای اصلاحات و ترقیات و تنظیم و تدبیر برای بی غیبت و استقامت نمایند.

اعوانت لازم به ابرام که البته بیک خزانه خانه ملکوتی کنایه در خرد به سیم که حساب خرج اهل افضل بین ملکوت ابراهیم و قحطانه مال لازم و ضرور کردارند .

برای عمومی و دیگران لازم نیست مخصوص اجتماعات و انجمن است و انجمن می تواند به مملکت مجاری و دیگر مردم که در آن شرکت دارند حقین خود را بر کسای تحت ماکه نماید
شریف است مطیع بکاره و میشود و علم مطیع برای طبع کسان که در تعقیبات و احوالات و شرفیات و فضیلات مشغول موم گردیده و احتیاجات خود را به اجماران اطلاع می یابند
دست و پایی فرمایند و بدین وسیع و موافق در مردم که در آئین و عجمی است احوالات و روی مملکتی را بقصد از زمین بکاره که کاش باحقان و دولت جمعی جاری شده
بمنافع قراران شود.

بنا بر حسب خوش بینی منی مساوات عامی که اوقات نوی شکست و سبب اوقات ملازمتی دارم از محمود خان نجیب خان امانا خواهد گوی بر بنای نظریات و ملکی و اوقات
محمود خان از بنده مرضی بگوید و بنم .

یوم جمعه بیست و هشتم شهر ربیع الثانی ۱۲۳۵ هجری قمری این دستور در استیلائے عبادی شریف نرون میر کلان امیر بخارا اسید امیر غلام حسن اسید و ملایم
گواهی داده گایب باشد.

Считаем также отныне необходимым учредить Государственное казначейство и установить бюджет нашего Ханства с точным исчислением доходов и расходов на государственные надобности.

Полагая, что все верноподданные Наши должны быть точно и своевременно осведомлены о всех начинаниях и распоряжениях Наших на благо и счастье Бухарского Государства, приказали Мы устроить в столице Нашей—Бухаре—типографию, первой задачей коей будет издание особых, по мере надобности, известий для общего пользования и для приобретения бухарцами полезных сведений

Для блага народа Нашего Мы приложим заботы к дальнейшему развитию в Бухарском Ханстве самоуправления по мере того, как надобность в этом будет выясняться.

В ознаменование торжественного сего события, в тесном единении с Великой покровительницей Нашей, Россией, повелеваем отпустить на свободу с согласия и одобрения народа заключенных в тюрьмах.

Пятница 28 Джемадиуссани 1335 года Ходжры в столице Бухары Благородной.

Большая печать *Сейда Алима эмира бухарского*.

Опубликование манифеста сопровождалось известным церемониалом, принятым в эмирской Бухаре.

Я, благодаря моему сановному дяде—*Латиф Ходжаеву*,—попал на эту церемонию. Нелишне будет здесь коротко описать ее. Во дворец к эмиру были приглашены все видные духовные лица вплоть до муфтиев и шейх-уль-ислама, все придворные и сановники, и выборные от купечества до 15 человек. Всего набралось около 200 человек. Тут же присутствовали: русский резидент *Миллер*, его помощник *Шульга*, сочинитель манифеста, и чиновник резидентства—*Введенский*, некоторые члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов русского городка Кагана; представители Самаркандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и из прогрессистов: *Махмуд Ходжа* и еще одно духовное лицо.

Эмир сидел посредине комнаты; сзади него находились главный судья Кази Калян и администратор *Шарифджан Максум*, вновь назначенный, как сторонник реформы, вместо реакционера *Бурханитдина*.

Шарифджан Максум, по поручению эмира, прочел манифест, который присутствовавшие встретили одобрением.

Махмуд Ходжа поздравил всех и эмира с реформой. Тут же были розданы присутствующим копии манифеста, после чего все разошлись.

Наряду с назначением *Шарифджана Максума* были назначены также новые раисы из сторонников прогрессистов.

В тот же день, часа в три, младо-бухарцы устроили в доме *Ахмед-Наиба* собрание, чтобы обсудить создавшееся после манифеста новое положение. На этом собрании, кроме видных членов партии, присутствовала делегация от Самаркандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все были рады событиям и рассматривали манифест эмира, как крупную победу, как первый шаг на пути к полному освобождению бухарского народа от векового бесправия.

Перед партией стал вопрос, чем ознаменовать эти исторические дни. Этот вопрос, в свою очередь распадался на две части: 1) как организовать торжество для придания ему народного характера?

2) можно ли и нужно ли устраивать специальную революционную манифестацию не только для ознакомления с эмирским манифестом?

По первому вопросу разногласий не было: все отмечали необходимость митингов, агитации, широкого объяснительного распространения манифеста.

По второму вопросу—нужна ли манифестация—мнения разошлись. В основе спора лежало глубокое и серьезное расхождение, которое, как мы говорили раньше, все время скрыто существовало в младо-бухарской партии и сейчас только обнаружилось.

Еще за две недели до манифеста, когда в Бухаре были *Фитрат* и *Усман Ходжаев*, ставился этот вопрос и тогда он вызвал те же самые разногласия, что проявились в данный момент в доме Ахмед-Наима. В партии несомненно существовало два течения.

Одно было за постепенный, медленный реформизм без всяких революционных тем более кровавых потрясений.

Назовем сторонников этого течения джадидами старого толка. Именно к этой группе джадидов старого толка относилось большинство старых джадидов и сам Председатель Центрального Комитета *Абдул-Вахид Бурханов*.

В вопросе о манифестации они были против ее устройства. Они указывали, что революционная манифестация раздражит реакционеров, сплотит их вокруг эмира и может вызвать даже кровопролитие, поскольку мы выставили на ней действительные требования без прикрытия. Надо заниматься не манифестациями, а укреплением себя, своей организации. Само время заставит эмира сохранить силу манифеста и может даже расширить его.

Такого мнения держались *Абдул-Вахид Бурханов*, *Мухетдин Рафаат* и *Муса Саиджанов*—в Центральном Комитете и вне его—*Айни* и *Ахмеджан Максум*.

Другое течение, активное и революционное, не боящееся даже вооруженного восстания, было за манифестацию. Необходимость и желательность манифестации аргументировалась следующим образом.

Ссоры с эмиром нам все равно не избежать, какими бы овечками мы не прикидывались: эмир знает и помнит своих врагов. Под предлогом борьбы с разрушением религии джадидами, он натравит на нас при помощи духовенства темные, фанатичные массы. К услугам эмира многотысячная организация духовенства, армия, деньги и государственный аппарат. Стоит ему захотеть, а он, вероятно, захочет, и он переловит нас всех по одиночке. Таким образом нам выбирать не приходится; столкновение с эмиром неизбежно. Своей же пассивностью мы только охладим собственных сторонников, вызвав среди них безразличное отношение к делу джадидизма.

Если же мы устроим манифестацию, то даже в случае ее неудачного исхода, мы добьемся следующих весьма ценных результатов: 1) мы испытаем и подсчитаем свои силы; 2) проведем широкую агитацию в массах, впервые открыто выбросим им свои лозунги; 3) в случае контр-манифестации и побоища, от нас само-собой отпадут все провокаторские и, вообще, ненадежные элементы организации, и организация очистится и укрепится.

Манифестация—говорили ее сторонники—вызовет к жизни энергию членов партии. Каждый должен будет выступить, как революционер, в открытой борьбе. Это не то, что вести между делом, службой или торговлей, повседневную агитационную работу. В открытой революционной борьбе придется рискнуть благосостоянием и пренебречь семейными традициями.

Мирза-Ша Ходжи Мирзабаев.

Все левое крыло младо-бухарцев было за манифестацию. Особенно горячими ее сторонниками были: я, *Фитрат* и *Усман-Ходжаев*.

В виду того, что мнения по поводу манифестации в доме *Ахмед Наима* разделились почти на половину и ни одно решительно не возобладало, решено было запросить по этому вопросу мнение русского резидента *Миллера*. К *Миллеру* была направлена делегация в составе: *Махмуд-Ходжа*, *Бахшулла Хана*, *Мирза-Гуляма*, *Мирза-Изатулла Гияходжаева* и меня; одновременно делегации было поручено выяснить отношение к джадидам русского правительства.

Миллер кратко ответил делегатам, что он не советует манифестировать. Но этот ответ *Миллера*, конечно, вопроса не разрешил, так как меньшинство и раньше было уверено, что другого ответа не будет. Поэтому вопрос оставался спорным. Мне стоило большого труда уговорить товарищей известить по районам членов партии о месте сбора и порядке шествия.

Все же дело было сделано: сбор назначен к 8-ми часам утра около магазина «Ширкат-Баракат», под куполом пассажа.

Фазмитдин Максум, *Мухитдин Рафат*, *Мирза Шах*, *Мирза Изатулла*, *Айни*, *Хамид Ходжа* и целый ряд других остались до конца противниками манифестации, но так как большая часть организации к тому времени высказалась за наше предложение, манифестация состоялась.

Утром следующего дня, явившись в назначенное время в магазин *Ширкат-Баркат*, обычное место явки главарей и активных работников, я застал там около 150 человек и среди них покойного *Фазмитдина Максума* и *Абдул-Вахид Бурханова*.

Эти двое, противники манифестации, под клятвою спросили меня правда-ли, что *Миллер* согласился на манифестацию. Я дал уклончивый ответ.

Они оставили меня в покое.

Тем временем, все прибывающие и прибывающие члены партии стали требовать начать шествие. Главарям ничего не оставалось делать, как согласиться.

Шествие началось в 8—9 часов утра.

В нем принимали усердное участие национальные меньшинства: персы, евреи, лезгины, которым манифест эмира даровал равноправие.

Вот это-то присутствие национальных меньшинств в манифестации особенно раздражало правоверных—фанатичных сторонников Ислама. Они никак не могли примириться с мыслью, что какой-нибудь еврей равен правоверному мусульманину.

Вначале в шествии принимали участие около 1.000 человек, но по дороге к нам примыкали все новые и новые толпы сочувствующих и скоро количество манифестантов дошло до 5—7 тысяч человек.

Над толпою реяли красные знамена с надписями на узбекском и еврейском языках. Типичный лозунг был такой: «Да здравствует свобода, конституция, свобода печати и независимая школа». Был даже, не помню какой группой, выставлен и такой лозунг: «Да здравствует эмир—освободитель».

Манифестанты прошли по главному ситцевому базару через Коммерческую улицу, дошли до Гаукушана, и тут несколько человек младо-бухарцев и толпа кинулись к дому *Кази-Каляна*, прося его приветствовать манифестацию; а манифестация все увеличивалась и увеличивалась и шла дальше по направлению Хиябана.

На самом Хиябане манифестацию встретили представители шиитов (персы) с цветами.

Здесь был большой митинг.

Затем манифестация двинулась к Регистану. Тут к нам подошло несколько товарищей, которые сообщили, что организована контр-манифестация черносотенцев: на Регистане собралась крайне возбужденная черносотенная толпа в 7—8 тысяч человек, организованная муллами; кроме того, там находятся пешие и конные части эмирской армии,—(пеший отряд в 200 человек и конный 300), цель прибытия которых неизвестна. Есть опасность что войска будут двинуты против нас.

Наша манифестация остановилась, и видные представители партии, обсудив создавшееся положение, решили добровольно разойтись по домам, ибо никто, конечно, не думал о вооруженной схватке.

Решение разойтись объявил толпе *Абул-Вахид*, и манифестанты с некоторой тревогой разошлись.

Во избежание неприятностей, для того чтобы предупредить министерство *Кушбег* о мирном характере манифестации, были посланы к *Кушбег*: *Ата-Ходжаев*, *Мирбаба* и *Юсуф-Заде* (*Абду-Раим-Мударис*).

Торжество реакции, новый центральный комитет, победа правого крыла.

Однако, мирные намерения младо-бухарцев не помогли им. Эмир решил жестоко расправиться со своими неугомонными врагами. Вынужденный благодаря давлению Русского Правительства дать манифест, он знать не хотел ни о каких других уступках, ни даже о проведении в жизнь самого манифеста.

Наступившее тотчас же вслед за манифестацией торжество реакции и жестокие преследования младо-бухарцев открыли всем, кто еще сомневался, истинное лицо «Эмира-Освободителя».

В тот же день, день манифестации, пробравшиеся сквозь толпу к *Кушбег* наши посланцы: *Ата Ходжаев*, *Мирбаба* и *Юсуф-Заде*, были арестованы в Арке.

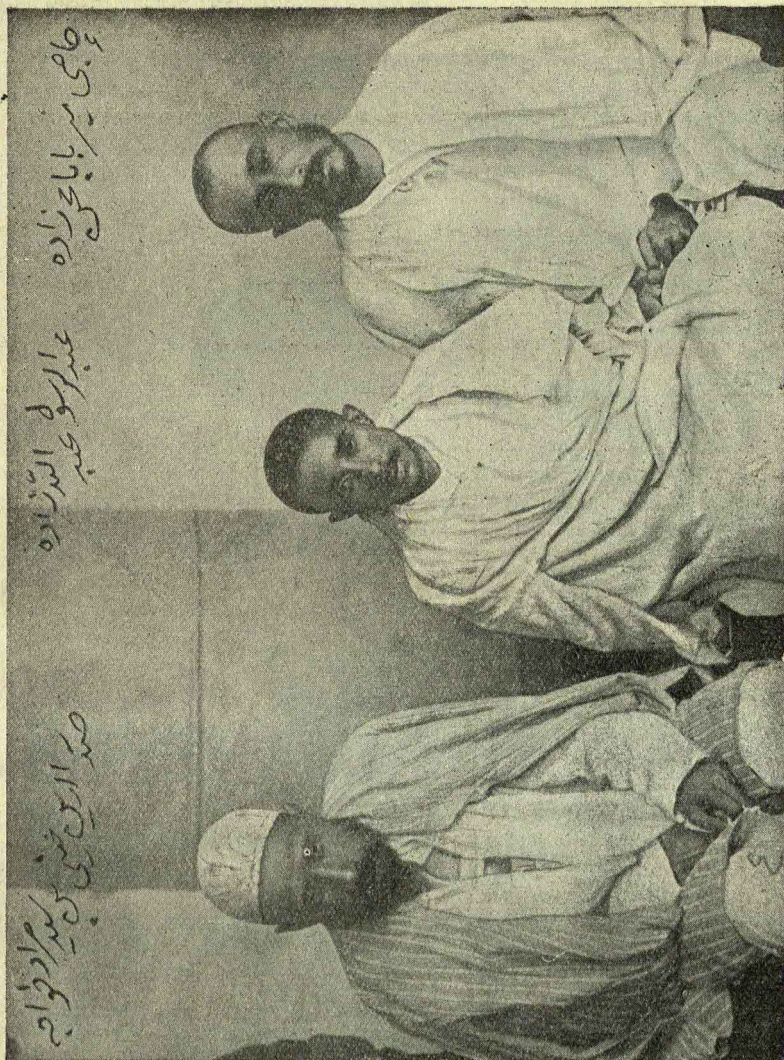
Пошли дальнейшие аресты. Эмирская полиция ловила видных джадидов—участников манифестации.

Всего было арестовано до 30 человек. В том числе: *Айни*, *Мирза Насрулла*, *Мирза Сахбабей* и другие. Арестованных эмир, по восточному обычаю, приказал бить палками. *Мирбаба* и *Айни* дали по 75 палок, а *Мирза-Насрулла*—150 по голой спине.

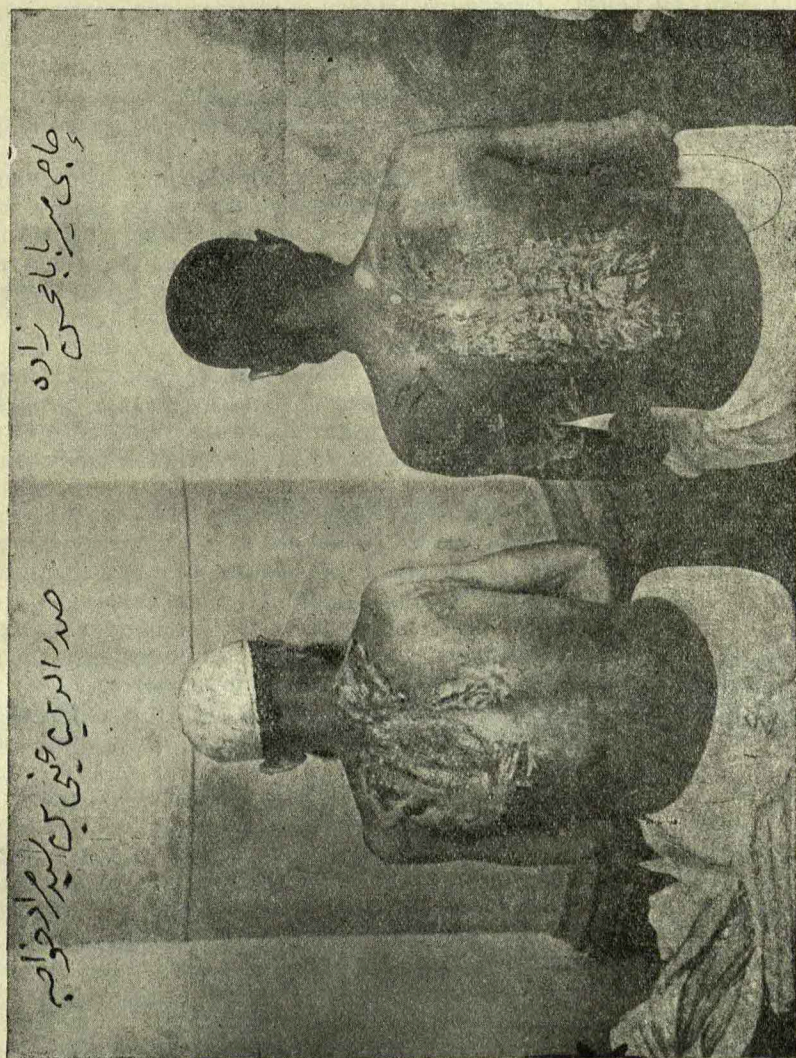
Необходимо было в этот ответственный момент предупредить об опасности остальных членов партии и собрать где-либо ее распыленные силы. Сделать это в Старой Бухаре не было никакой возможности, ибо многочисленные фанатики все равно помогли бы эмиру переловить джадидов. Оставался Каган—Новая Бухара—городок с русским населением—местопребывание русского резидента. *Абдул Вахид* послал своих людей в Каган, чтобы узнать можем ли мы рассчитывать там на приют и безопасность. Мне лично пришлось выехать в Новую Бухару, не дожидаясь ответа.

Дело было так:

Когда манифестация разошлась по домам, я тоже пошел домой; туда же пришла делегация от еврейских поселян обсуждать положение.

Садретдин Айни Саид-Ходжа. Абдурасул Абдулла-Заде. Хаджи Мир-Баба Мухсим-Заде,

صدر الدين عيني بن السيد اخوان

طامي ميرزا باحسين زاده

Садретдин Айни Саид-Мурад Ходжа:

Хаџжи Мир-Баба Мухсин-Заде.

Делегацию успокоил, посоветовав представителям евреев, на худой конец, отправить своих видных деятелей в Новую Бухару.

Сам я хотел остаться в Старой Бухаре, чтобы быть поближе к событиям и информировать о них товарищей.

Но мне это не удалось.

Час спустя ко мне пришло много друзей, принадлежащих к разнообразным кругам Бухары, в том числе не мало русских. Они просили меня немедленно скрыться, говоря, что эмирское правительство придает мне большое значение и намерено арестовать меня.

Я не считал это важным и уехать отказался. Один из них ушел, обещая держать со мною связь по телефону. Я же, тем временем, послал двух своих друзей на Регистан, чтобы выяснить настроение. Через полчаса — обещанный звонок. Мой знакомый сказал мне, что пробраться во второй раз не решается, но очень просит тотчас же прийти к нему.

Переулками я пробрался в назначенное место. Там были только мой знакомый и еще один неизвестный мне русский. Мой знакомый объяснил мне, что им получены сведения о готовящемся нападении толпы и даже войск на мой дом, так как толпа требует этого. Он настойчиво уговаривал меня скрыться. Я долго отказывался, но, наконец, все же согласился поехать в Новую Бухару.

Но легче было согласиться, чем выполнить, вокруг моего убежища уже собралась толпа, узнав, что я здесь.

Все же я вышел в сопровождении одного знакомого лезгина *Обида*, оба вооруженные маузерами, и через еврейский квартал прошел к себе. Посланные мною в Регистан люди, возвратились и сообщили то же, что и мой знакомый.

Я решил скрыться, вызвав знакомого биржевого извозчика *Ахмеда*, человека безусловно мне преданного. *Ахмед* под'ехал к заднему крыльцу моего дома, со стороны еврейского квартала. Я пробрался туда по подземному ходу, который ведет из моего дома к еврейскому кварталу и существует до сих пор.

В сопровождении трех вооруженных всадников я через еврейский квартал и ворота Намазгар выехал из Старой Бухары. На вокзале нас хотели задержать, но мы успели убежать. Я добрался до квартиры *Зевина*, и вместе с ним и его помощниками мы благополучно прибыли в Новую Бухару.

Туда же пробрались и другие младо-бухарцы.

Нужно было где-нибудь собраться, чтобы решить что делать.

Единственным подходящим для этого местом был Клуб Российских Мусульман. Многие из членов этого клуба рабочие состояли в русских революционных партиях социал-революционеров и социал-демократов, и мы всегда могли рассчитывать на их сочувствие и поддержку.

Мы не ошиблись в своих расчетах: благодаря активной помощи русского пролетариата, в лице левой социалистической части Каганского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, нам удалось собрать наши разбитые реакцией силы и начать новую борьбу за освобождение Бухарского народа.

Все, кто боролись в наших рядах с деспотической властью тирана, никогда не забудут этого.

Лишь только нам удалось собраться, перед нами встал вопрос, как помочь арестованным товарищам.

Мы решили вести работу в двух направлениях:

1) повести агитацию в самой Старой Бухаре и организовать там, по возможности, демонстрацию протеста;

2) агитировать среди русских рабочих и вообще русского населения и призвать на помощь Туркестанские Краевые Революционные организации и солдат.

Работа закипела.

Много сделали в осуществление вышеприведенных постановлений партии Бурханов в Бухаре, Фитрат, Усман Ходжаев и Абдусайдов в Ташкенте.

Громадную помощь принесло нам выступление Керкинской организации во главе с Кары Юлдаш Пулатовым (Кары Юлдаш Пулатов—один из создателей Керкинского младо-бухарского движения).

К этому времени присоединилось к нам одно из крупных лиц, сочувствующих джадидизму,—Мирза Мухитдин Мансуров, еще ранее бежавший из Бухары.

У него были особые мотивы бегства—личная его конкуренция с главой Старо-Бухарского купечества, очень близким к эмиру человеком, Караванбаши Азизовым, известная всему населению.

Эта коммерческая конкуренция превратилась в политическую борьбу, и Мухитдин Мансурову пришлось бежать, ибо он опасался мести своего конкурента-реакционера.

Таким образом, к Каганским беглецам—младо-бухарцам—присоединился еще Мухитдин Мансуров с тремя сыновьями.

Наш призыв к русским революционерам, к русским революционным рабочим в Ташкенте не остался без ответа.

Из Самарканда прибыла комиссия по распоряжению Ташкентского Краевого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сс-р. Черновым и еще одним солдатом, прекрасным оратором, кажется, с.-д., фамилию которого, к сожалению, не помню.

В Новой Бухаре при большом стечении рабочих и солдат открылось заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, совместно с представителями младо-бухарцев и джадидов. На этом собрании из младо-бухарцев выступил я, а из сочувствующих нашему делу из мусульман не членов младо-бухарской партии—Бекбердиев и Ариф Каримов.

На этом же собрании было опубликовано перехваченное младо-бухарцами письмо первого секретаря русского резидентства, Шульги, к Кази-Каляну.

Шульга в этом письме предупреждал Эмирское Правительство, что движение младо-бухарцев распространяется, охватывая все более и более широкие круги населения; Шульга советовал эмиру беспощадно расправиться с младо-бухарцами, обещая энергично содействовать Кази-Каляну, верным помощником которого будет он, Шульга.

Письмо вызвало огромный скандал; революционные рабочие и солдаты вместе с младо-бухарцами громко требовали ареста Шульги. В русском резидентстве увидели они тайных изменников, предателей революции.

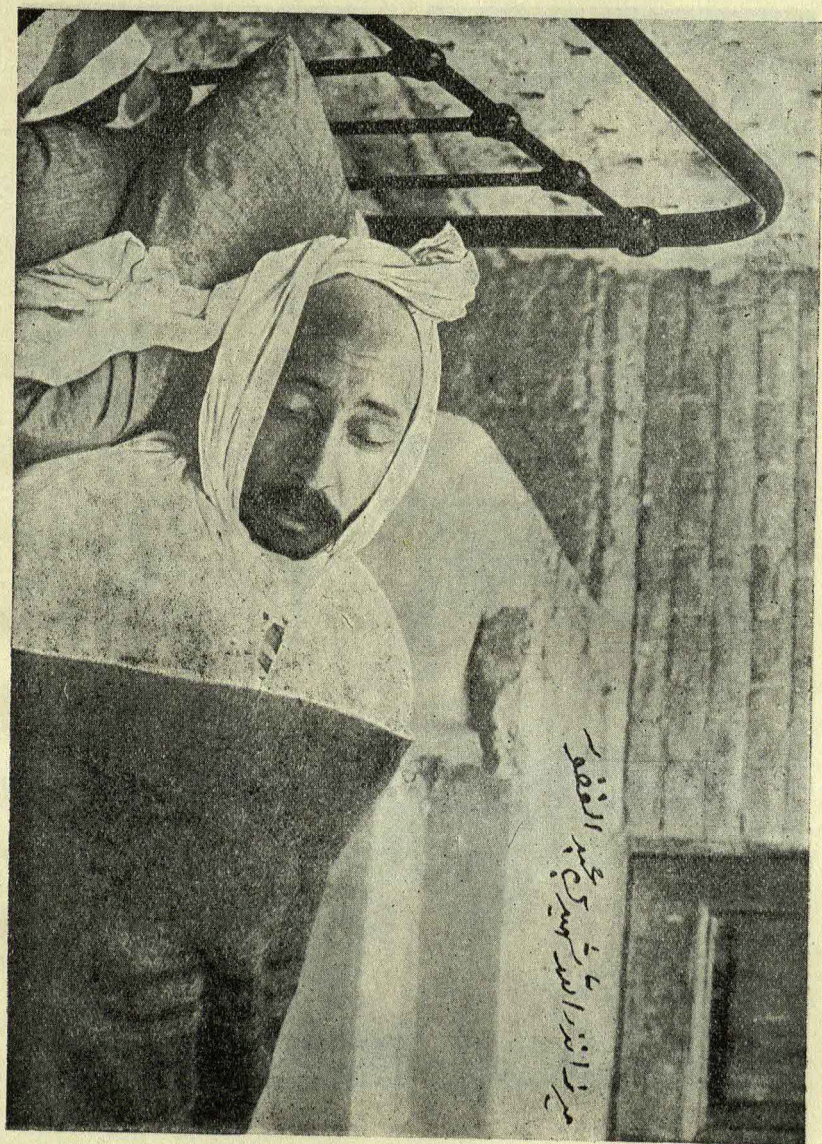
Буржуазия, в лице кадетов: Гальперина и Рабиновича, защищала Шульгу.

Наконец, первая победа была одержана: Шульге объявили домашний арест.

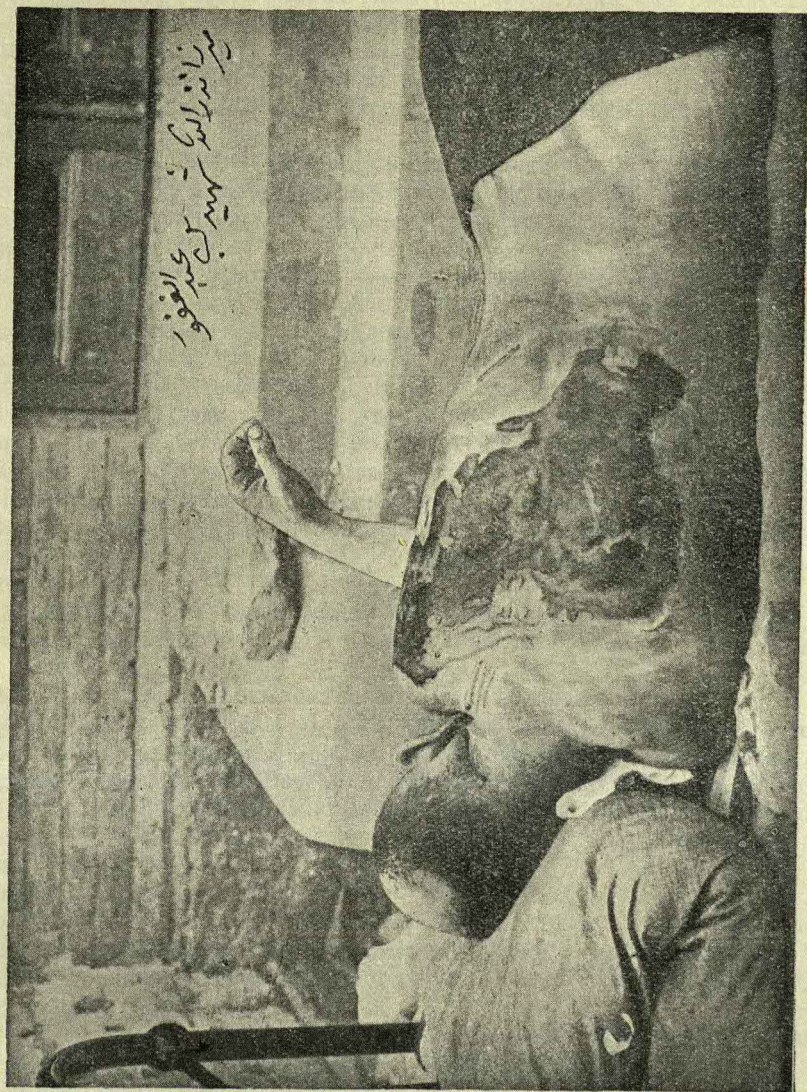
Эмирское правительство, видя, что нашлась управа и на русских черносотенцев, почувствовало силу русских революционных организаций,

Мирза Назрулла Абдулгафур.

Мирза Назрулла Абдулгaфур

Мирза Назрулла Абдулгафур.

поняло, каких могучих союзников приобрели младо-бухарцы в русских революционерах и, поняв это, повело политику уступок.

Немедленно были освобождены: Атта Ходжаев, Юсуф Заде и многие другие и в сопровождении русской делегации и бухарских чиновников отправлены до станции Старая Бухара, где их встретили товарищи и много народу. Вместе с Атта Ходжаевым и Юсуф Заде также выдали избитых: Айни, Мирбаба и Мирза Насрулла. Последний был очень тяжело болен—у него начался гнойный процесс легких. У избитого Айни также были задеты легкие. Всех освобожденных из под ареста доставили в Новую Бухару, а больных поместили в больницу.

На следующий день Мирза Насрулла умер. Перед смертью он сделал политическое завещание.

Он писал, что любит народ и, умирая, надеется, что народ освободится от гнета и рабства. Страшная смерть от руки палача не страшна ему, наоборот, он рад ей, ибо уверен, что своею смертью он помогает освобождению и приближает его час.

Похороны Мирза Насрулла были грандиозными. Несмотря на все угрозы и запрещения, прибыла масса народа. В похоронах приняли участие все революционные организации, младо-бухарцы и русские рабочие и воинские части, все, что было живого в Новой и Старой Бухаре.

Когда все дела, связанные с похоронами и освобождением арестованных товарищей, были кончены, группа правых джадидской организации созвала общее собрание с целью реорганизации партийных верхов.

Инициаторами этой реорганизации были: Бурханов, Фазмитдин Максум и Мухитдин Рафаат. Воспользовавшись печальными событиями, следовавшими за манифестацией, они—наши «старые джадиды»—повели решительное наступление против левого крыла партии, обвиняя нас во всех случившихся бедах.

На собрание пригласили семейство Мухитдиновых.

Сыновья пришли, но сам Мухитдин Мансур и его сын Абду Кадыр придти отказались.

Собрание открылось вступительным словом Бурханова.

После краткого доклада о последних событиях, он заявил, что перед партией стоят большие задачи: надо вести переговоры с Эмирским Правительством и резидентом России и поэтому надо создать авторитетный, способный выполнить эти задачи Центральный Комитет Партии, тем более, что видные члены старого Центрального Комитета, как Фитрат и Усман Ходжаев, отсутствуют.

На роль руководителя партии Бурханов предложил Мухитдина Мансурова, указав, что Мухитдин Мансуров—умный, достойный человек и пользуется большим авторитетом среди русских; действительно, Мансуров имел большие личные связи с русской буржуазией и был вхож в русское резидентство.

Момент для атаки на старый Центральный Комитет был избран удачно и Бурханову удалось провести реорганизацию.

В новый Центральный Комитет вошли: Мухитдин Мансур—Председатель и лидер, Абду-Кадыр Мухитдинов, Мухитдин Рафаат, Абдул Вахид Бурханов, Усман Ходжаев, Ариф Каримов, Мирза Исам Мухитдинов, Муса Сайджанов, Мухтур Саиджанов, я и еще два—три человека, фамилии которых не помню, и которые после первых заседаний не работали и были исключены. Позднее в Центральный Комитет вошли еще двое: Фитрат и Атта Ходжаев, члены старого Центрального Комитета, но суть

реорганизации заключалась, конечно, в выборе Мухитдина Мансурова председателем и лидером, и во включении его сыновей в состав Центрального Комитета.

Таким образом, наши правые, постепеновцы, революционеры, боящиеся революции, победили.

Можно было бы, конечно, протестовать, так как формально эти выборы были не законны: в выборном собрании участвовали далеко не все младо-бухарские партийные организации, и, кроме того, многие различные члены были против нового состава Центрального Комитета, но ни мне, ни другим представителям левого крыла не хотелось начинать внутри-партийную борьбу. Положение было очень запутанным: партии в целом грозили преследования эмира, я сам все еще жил нелегально в Новой Бухаре, то в одном доме, то в другом (долго я скрывался на заводе Левина и в квартире агента Российского Страхового Общества Мухамедова) и, конечно, в такой момент вызвать раскол в партии значило бы губить все наше дело.

Пришлось временно уступить руководство делом ее правому крылу.

Неудачные переговоры с эмиром, наш арест и конец мансуровского комитета.

Первое заседание Нового Центрального Комитета состоялось в номере у Мансурова. Вслед за тем мы почти ежедневно собирались у него и обсуждали волнующие партию вопросы.

На этих заседаниях предлагались два пути дальнейшей работы: 1) добиваться у эмира через русское правительство амнистии, прекращения преследований, вообще, условий для спокойной легальной работы, 2) наряду с использованием легальных давлений на Эмирское Правительство, готовить вооруженное восстание чрез тайное вооружение партии и организацию партизанских выступлений в вилайетах.

Второе предложение исходило не помню от кого, но выражало мнение левого крыла партии. Что касается Мансурова, то он с самого начала заявил себя противником каких-бы то ни было вооруженных выступлений и насильственных мер. Он соглашался только на первый путь—путь легальности, уговоров эмира и сановников при помощи русского резидентства.

Большинство нового Центрального Комитета, отнюдь не страдая избытком революционной энергии, с удовольствием поддержало Мансурова.

Вооруженные выступления были отвергнуты, путь уговоров принят и, в подкрепление уговариванию властей, решено было отправить в провинцию агитаторские тройки, которые организовали бы митинги, разъясняли бы населению причины последних событий, знакомили бы население с платформой партии, требовали бы немедленного проведения в жизнь начал, объявляемых в эмирском манифесте. Из этой затеи ничего не вышло: агитаторских групп не создавалось, кроме одной, состоявшей из Фаткулы Ходжа и Юсуф Заде, отправившихся в Чарджуй.

Вся работа партии сосредоточилась на переговорах с эмиром и Русским Правительством. Во главе всех мероприятий по переговорам стоял сам Мансуров.

После долгих единоличных совещаний с Миллером, Мансуров совершенно неожиданно объявил нам о необходимости начать переговоры с эмиром при посредничестве Миллера.

Я высказал по этому поводу некоторые свои опасения, но никто не хотел их слушать и на этом же заседании была выбрана комиссия для ведения переговоров. В нее вошли: Мухитдин Мансуров, Абду Кадыр Мухитдинов, Исам Мухитдинов, Муса Саиджанов, Абдул Вахид Бурханов, Атта Ходжаев, Ходжа Абду Сатар, Мухтар Саиджанов и я.

Словесная директива Центрального Комитета была следующая: „добиться соглашения с эмиром на основе неприкосновенности джадидов легальной работы партии в духе манифеста эмира“.

При помощи такой умеренности многие надеялись обеспечить за партией возможность хотя какой-нибудь легальной работы. Предварительно Мансурову, Бурханову и мне предложили переговорить с Миллером.

Мы поехали; Миллер нас принял; переговоры вел Мансуров. Миллер сказал, что он не ручается за успех, но постарается помочь нам и что, конечно, переговоры с эмиром — единственный путь, так как других средств воздействия нет.

Итак, согласовав этот вопрос с Миллером, на другой день мы отправились к эмиру. К нам присоединились Миллер, Введенский и несколько членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. От прибывших из Самарканда воинских частей никого не было. Они остались на вокзале Ст. Бухары, и не нашлось никого, кто бы позаботился договориться с ними. Утром в пятницу мы сели в пассажирский поезд и отправились на вокзал Ст. Бухары. Там нас встретило несколько чиновников с экипажами эмира. Нас всех посадили попарно, в сопровождении каждой пары чиновником. Я очутился рядом с Мансуровым. Нас всех повезли по базару, как раз тогда, когда правоверные выходили из многочисленных мечетей, и в самом Регистане нас ждала толпа около 5000 человек.

Во время проезда из толпы нас осыпали бранью и камнями. Все это не сулило впереди ничего доброго.

Наконец, нас привезли в посольский отдел Кушбегия (где обычно премьер министр принимает гостей); ждать нам пришлось недолго: часа через два нас всех пригласили в тронный зал эмира. Мы все попарно, в сопровождении русских властей, отправились туда, не спросив даже, зачем нас ведут.

В зале мы застали всю правящую Бухару: блестящие ряды сановников и главарей мулл.

При нашем появлении поднялся шум и крики; нас осыпали ругательствами. Поместили нас позади эмира, вместе с русскими. Первое слово было предоставлено Мансурову.

Он начал, примерно, так: мы, любящие родину и существующий строй, граждане Бухары, и, хотя мы критиковали некоторые недостатки манифеста его высочества, несовпадавшие с нашими целями, но сейчас мы протягиваем к вам руки, высокие люди государства. Да осуществится воля эмира!

Едва Мансуров начал говорить, как все повскакали с мест, начали махать палками, ругать нас изменниками, предателями, неверными, а кое-кого и бить.

В это время эмир поднялся с места, обратился к Мансурову и сановникам и сказал: «И вы, и вы,—мои подданные, между вами недоразумение; все это пройдет, успокойтесь. Как было, так и будет». С этими словами он быстро вышел. Мы услышали рев и гул многотысячной толпы у самых стен дворца, требовавшей выдачи делегации на суд и растерзание народа. Только тогда делегация поняла цель эмира и Миллера, этих двух друзей. Все же мы не были выданы толпе; нас продержали некоторое

время в коридоре, а затем, под шум и крики оттесненной толпы, провели на прежнее место.

Так мы сидели весь день, слушая крики возбужденной толпы, требовавшей нашей выдачи.

Тут предательская роль представителей русского Временного Правительства обнаружилась вполне. Миллер и Введенский из всех сил старались казаться честными маклерами в затеянной ими совместно с эмиром нечестной игре. Они то приходили к нам, то уходили к эмиру, выходили и к толпе, якобы затем, чтобы ее успокоить, а на деле вождь-ленно ждали нашей крови, ибо их аппетиты еще не были удовлетворены резней революционеров в Персии.

И вот тут отчетливо наметился тот союз, который впоследствии освободил Бухару и вывел ее на широкую дорогу советского строительства—союз национально-революционных элементов востока с русскими рабочими и крестьянами, сбросившими ио царизма.

Буржуазные болтуны и предатели—Миллер и его коллеги, скрывавшие под маской внешнего либерализма свою реакционную сущность, хотели нас выдать на растерзание толпе, но нашлась сила, которая этого не допустила.

Это были революционные русские войска и рабочие Новой Бухары. Они не дали осуществиться адскому плану эмира и его русских приспешников. Первыми явились к нам на помощь рабочие Новой Бухары, с которыми младо-бухарская партия держала теснейшую связь, а затем революционные войска, расположенные в Новой Бухаре и на вокзале Старой Бухары.

Мы, делегаты, за все время своего пребывания во дворце, ничего не знали о том, что у нас нашлись защитники и ждали смерти от руки палача или от готовой к самосуду толпы.

Вдруг случилось неожиданное: нас посетили Насрулла Кушбеги и Урганджи. Оба в один голос объявили, что эмир сожалеет обо всем случившемся и негодует на фанатичность народа, который окружил дворец в количестве до 10.000 и вот уже 12 часов требует казни делегации или выдачи ему. Однако этого не будет, так как эмир желает кончить все миром. Затем Урганджи добавил, что к утру нас можно будет отпустить.

Очевидно, посещение рабочих и революционных солдат возымело свое действие на высокую особу эмиру и его сановников.

Урганджи сказал еще, что члены Совета Новой Бухары очень устали и должны уехать. Мы энергично запротестовали против отъезда единственных наших надежных защитников, и они, конечно, согласились остаться с нами.

Миллер, увидя энергичную защиту делегации со стороны членов Совета и просто рабочих, струсил, стал хлопотать о нашем освобождении.

К 12-ти часам мы были освобождены и выехали обратно в Новую Бухару, встречаемые огромными толпами железнодорожников и рабочих хлопкоочистительных заводов.

Зато это путешествие принесло конец и Центральному Комитету и его председателю Мансурову.

Всего через какие-нибудь две недели после приезда Фитрата общее собрание наличных членов организации составило новый центр, который и покончил окончательно со многим из наследства джадидизма.

в том числе с его тактикой узкого культурничества и шатания в политике.

Началась новая работа над созданием, вместо джадидской, новой младо-бухарской партии, над выработкой ее программы; одновременно усилилась и агитационно-организационная деятельность в кишлаках и провинции.

В осуществление одного из первых и важнейших решений нового Центрального Комитета началась работа среди солдат эмира и над революционизированием и объединением в соответствующие, сочувствующие младо-бухарцам группы кустарей и возчиков Старой Бухары.

Перегруппировка социальных сил. Отход правого крыла джадидов от революции.

Февральская Революция в России и последовавшие за ней события в Бухаре (образование тайного центра джадидов, манифест эмира, манифестация и эмирские репрессии), как мы указывали выше, ускорили и углубили уже давно наметившиеся расхождения между джадидами старого толка, сторонниками постепенных преобразований, медленного реформизма и джадидской левой, которая все больше и больше революционизировалась.

Страстные обсуждения и споры по целому ряду вопросов (отношение к нелегальной работе, к манифесту эмира) обострились до крайности.

Новая тактика бухарских революционеров, вызывая резкую критику джадидов старого толка, еще долго занимала умы широких кругов бухарского прогрессивного общества.

Вплоть до так называемых Колесовских событий и эмиграции велась ожесточенная борьба мнений в недрах младо-бухарской организации и в ее прогрессивной периферии.

В момент торжества эмирской реакции и разгрома младо-бухарцев наступление правого крыла на левую часть организации усилилось, что является вполне закономерным и обычным в периоды отступления, в периоды спада революционной волны.

Айни и другие джадиды старого толка обвиняли сторонников радикальной, по тому времени, тактики в том, что, благодаря их неосмотрительности и неправильному пониманию обстановки, была разгромлена джадидская организация.

Поэтому казалось, что после неудачных переговоров старого Центрального Комитета, возглавляемого *Мансуровым*, с эмирским правительством и после перехода руководства движением в руки левых, дальнейшее единство организации невозможно, казалось, что она расколется на два враждебных друг другу лагеря.

Однако, этого не случилось.

Новый Центральный Комитет, состоящий из *Абдул-Рахида*—Председателя и членов: *Рахмед Рафика*, *Фаткула Ходжа*, *Фитрата*, *Файзулла Ходжаева*, *Таицева*, *Файзледин Максума*, *Муса Саиджанов*, *Аидарова*, *Усман Ходжаева*, *Ата Ходжаева*, *Ходжи Мирбаба*, (месяца через три вместо *Фатхула Ходжаева* был введен *Муин Алинов*), великолепно учитывая момент, понимая, что организационное единство является залогом всех будущих успехов, сделал все возможное, чтобы не допустить раскола.

ЦК, чтобы не отпугнуть джадидов старого толка, не пошел, несмотря на настояние некоторой части членов ЦК, даже на немедленное пе-

реименование джадидской организации в младо-бухарскую и долгое время сохранил виднейшего джадида старого толка, *Абдул-Вахид-Бурханова* в качестве председателя.

Новый Центральный Комитет сохранял организационную связь со всеми разнообразными в идейном и тактическом отношении группировками джадидов. Лишь группа *Мансурова* и *Мухетдин Рафаата* являлась абсолютно для него неприемлимой и отошла от организации.

Все же следует заметить, что идейная разношерстность и мозаичность младо-бухарской организации принесли много вреда делу революции в Бухаре, что особенно ярко сказалось во время так называемых Колесовских событий.

Период после манифестации был крайне тяжел и труден для ведения революционных работ в Бухаре.

Обстановка после манифестации, которая вопреки воле отдельных руководителей, недовольных даже самим фактом манифестации, превратилась в открытую демонстрацию революционных сил, направленную непосредственно против эмирского правительства, изменников.

В результате обострения борьбы и эмирских репрессий отошли от движения некоторые весьма влиятельные круги бухарского купечества.

Склонные к оппозиции существовавшему в Бухаре строю, не дававшему развернуться вполне торговому капиталу, все растущая мощь которого требовала для дальнейшего развития европеизации Бухары и установления в ней хотя каких-либо правовых норм, необходимых для процветания капитализма, эти купеческие круги, однако, совершенно были не склонны к открытой революционной борьбе с эмиратом, в которой они могли больше потерять, чем приобрести. Массовое движение, без которого нет успешной революции, их пугало. Общепародное восстание, всегда так или иначе затрагивающее интересы капитала, не могло входить в их программу. Им нужны были частичные реформы, но не революция, и потому они на новом пути революционного движения в Бухаре не захотели, да и не смогли работать. Их уход сильно ослабил движение, лишая организацию довольно значительной поддержки.

Отошли от движения, конечно, еще более далекие от подлинной революционности, даже подлинного либерализма, круги, связанные с духовенством, с муллой *Икрамом* во главе. В их реформаторские работы совершенно не входила открытая борьба вплоть до свержения эмира.

От нее стали отходить имущие. Центр тяжести переместился влево, ибо после этого дальнейшее расширение организации пошло уже за счет неимущих слоев населения.

Таким образом, социальная база джадидизма сузилась. Организация ослабла и ослабла также сила ее морального воздействия на общество.

Особенно важно было то обстоятельство, что крестьянство, на дружеский нейтралитет которого рассчитывал ЦК, стало еще более глухо к джадидской пропаганде, чем даже раньше.

Все расчеты на организацию крестьянских партизанских отрядов и, в случае удачи плана борьбы с эмиратом, на вооруженное восстание, опирающегося на часть крестьянства и помощь новой России, отпали, ибо в этот момент крестьянство было совершенно равнодушно к реформам. Новый Центральный Комитет ясно видел, что нельзя рассчитывать даже на его сочувствие.

3. К истории революции в Бухаре.

Обстановка осложнялась и ухудшалась еще тем обстоятельством, что представители Временного Правительства и краевых туркестанских органов, Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, видя пассивность крестьянских масс Бухары, стали на путь соглашения с эмирским правительством, одновременно оказывая давление на разные круги джадидов и на Центральный Комитет с целью недопустить организацию перейти к широкой массовой революционной работе.

В этих условиях та весьма осторожная тактика, которую принял ЦК, была вполне уместна.

Надо было, главное, сохранить организацию до лучших времен, постепенно расширяя ее социальную базу.

Тем временем эмирское правительство, пользуясь плодами своей победы, принимало все меры к тому, чтобы уничтожить окончательно джадидизм. Эмирское правительство, прекрасно осведомленное своими агентами о настроениях официальной России, решило, что теперь Россия не вмешивается в защиту джадидов, и усилило репрессии по отношению к джадидам, не допуская малейшей агитации и, при случае, убивая из-за угла видных представителей джадидизма.

Так был убит *Хусейн Ходжаев*, организатор революционной группы в Терском казачьем полку и в личной охране эмира; так был задушен у себя дома *Халильбек Абдуджалилев*, тоже руководитель партии среди солдат, и убито много других менее видных представителей джадидизма. Как видно из этого, эмирское правительство правильно считало агитацию среди армии наиболее опасной и вредной.

Не довольствуясь одними репрессиями, эмирское правительство старалось создать нужное ему отношение к джадидизму среди общества. Многочисленный и прекрасно организованный аппарат заработал во-всю, всячески стараясь очернить джадидов в глазах населения, обвиняя их в попытке разрушить основы религии Ислама и в предательстве родины русским.

Духовенству всемерно помогало испугавшееся революционных потрясений бухарское купечество.

Все эти группы обвиняли джадидов во всех смертных грехах.

И отсюда—терпимость нового Центрального Комитета, объединившего весьма разнообразные прогрессивные группировки.

Джадидская организация, не имевшая под собой прочной и однородной классовой базы, искавшая и имевшая союзников и сочувствующих в самых разнообразных слоях населения, конечно, фатально обречена была на мозаичность: группировки должны были быть в ней постоянным явлением, особенно обострившимся в периоды реакции.

Выработка программы.

Все же продуктивно продолжать работу было возможно только договорившись по главнейшим вопросам, выработав общую программу и общие методы работы.

Исходя из этого положения, ЦК решил не торопиться с переименованием организации, а поработать над следующими двумя задачами: 1) выработать практическую программу организации, 2) установить методы работы среди населения с целью наибольшего привлечения в организацию рабочих, кустарей, солдат и, по возможности, крестьян.

Первый вопрос — выработка программы — был наиболее трудным и спорным, в виду только что указанной социальной и, следовательно, идеологической мозаичности джадидской организации.

Программа должна была отразить самые разнообразные точки зрения, удовлетворить так или иначе интересы самых разнообразных социальных групп, объединенных в джадидскую организацию общим недовольством эмирским правительством.

Вопрос был очень труден и щекотлив. Разрешение его требовало максимальной осторожности, так как от удачи или неудачи этого решения зависило главное — целостность джадидской организации.

Политические программные требования по необходимости должны были быть очень умеренны, ибо излишний радикализм мог лишить организацию весьма важных в данный момент ее правых членов и попутчиков.

Поэтому, после нескольких совещаний и споров, вопрос о выработке программы все-таки оставался открытым.

Решено было составить предварительно конкретный проект реформ на основе строгого учета происшедшего обмена мнений, удовлетворяя, по возможности, все оттенки политической мысли, имевшие место в джадидской организации.

Работа по составлению проекта реформ была поручена *Фитрату*. Требования должны были быть минимальные, только такие, которые разделяла вся организация.

Месяца через два, если не изменяет мне память, в конце января 1918 года *Фитрат* этого проекта представил Центральному Комитету, и тот принял этот проект с небольшими поправками и постановил опубликовать.

С этой целью был послан в Самарканд старый работник *Рахмед Рафик*, как специалист, хорошо знакомый с издательским делом и распространением печати: он несколько лет работал в книжном магазине и читальне «*Маарифат*».

Так на фитратовском проекте и закончилась выработка четкой и ясной программы младо-бухарцев, и лишь в начале 1920 года, в период эмиграции, нам удалось опубликовать эту программу от имени туркестанского бюро младо-бухарской партии.

Но об этом после. Здесь же мы считаем необходимым изложить основные пункты выработанного *Фитратом* и принятого ЦК проекта.

Проект реформ, составленный Фитратом и утвержденный Комитетом младо-бухарцев.

Проект реформ, выработанный *Фитратом* и утвержденный Центральным Комитетом, весьма любопытен. Являясь по необходимости программой минимум, этот проект, не предвешая вопроса о конституции, не изменяя монархической формы правления, преследует две основные цели, к практическому осуществлению которых и сводятся все конкретные предложения.

Эти две цели: введение в Бухаре правовой государственности, замена средневекового восточного деспотизма просвещенной монархией европейского образца и экономическое, политическое и военное укрепление Бухары на базе увеличения благосостояния и культурности трудящихся масс бухарского народа.

Будучи очень осторожным в области политической и социальной, проект весьма решителен в области культурных и экономических нововведений.

Очень много места проект уделяет вопросам земледелия и сельского хозяйства, и именно с них, а не с государственного устройства начинается изложение реформ. Все пахотные земли делятся, согласно проекту, на три категории: вакуфные, частно-владельческие и государственные.

Земли государственные (амлак) и находящиеся в распоряжении государства, объединяются под общим названием «Хирадж» (государственные, на особых условиях сдаваемые в аренду).

Земли частновладельческие остаются в полном распоряжении владельцев, кроме хираджских.

Для управления вакуфными землями учреждается особое управление.

Строго регламентируется проектом налоговое обложение, выработан ряд правил взимания налога.

Как видно, эта область, где господствовал страшный произвол и неразбериха, интересовала руководителей джаидов совершенно исключительным образом.

Проект предусматривает снижение налоговых ставок для земель, принадлежащих трудящимся и государству.

Согласно проекту, снижаются ставки налогового обложения для земель общественной заправки и земель «мульк харадж» с одновременным уничтожением целого ряда косвенных налогов, как то: «кафсан», «аътяти», «ускунапули», „чуппули“ и издержек „хашара“, так называемых «кутарабаки».

В то же время проект высказывается за значительное увеличение налогового обложения для земель «мульк» (частновладельческих) и части земель «мульк-харадж», т.е. хотя являющихся собственностью государства, но закрепленных эмиром за частными лицами.

Все эти изменения налогового обложения земли, предполагаемые проектом, являются практическим осуществлением мысли о введении налоговых льгот для трудящихся и введении прогрессивного обложения земель имущих групп землевладельцев.

Второй основной целью проекта в части, касающейся вопросов землевладения и сельского хозяйства, является забота об увеличении сельскохозяйственной продукции, о расширении посевной площади и интенсификации земледелия.

Вот предполагаемые проектом конкретные меры: уравнивание налогового обложения земель, засеянных и незасеянных, что, конечно, должно повлечь за собою усиленный засев или отказ от земли, ее продажу в хозяйствах, не могущих обрабатывать всю имеющуюся у них землю. Дальше идут ирригационные мероприятия: регулирование Зеравшанской оросительной системы—справедливое распределение воды между Бухарской и Самаркандской.

Проект предлагает также использовать для ирригации Аму-Дарью, при чем не останавливается даже перед применением для цели ирригации трудовой повинности «хашара», хотя в других случаях, в полном согласии со всем своим прогрессивным либеральным духом, его запрещает.

Как меру поощрения для интенсификации сельского хозяйства проект предлагает сельскохозяйственный кредит и механизацию обработки. В этом отношении проект ставит все точки над «и». Он настолько

بخارا

۵۰

اصلاحات لایحه‌پی

ناشری

یاش بخارا الی لر قومیتہ سی

هر کیمکه آچی سنر

بیرله در .

نور من کر کرد. بونکر فی خطا بولردن سا قلاماق، خیانتدن منیع انیملا کر کرد.
 بونکر کا وایشلری ایچون عملکنده ایکی کوچ (قوة) بولسون. برسی خصوصی
 برسی عمومی. خصوصی کوچ گیکر کیشیلک برتیر کا و مجلسی بولسون. بول
 گیکر کیشیدن اولن نه پنی ایش بیلر تورغان حقوق شناس روسیه
 و کفکاسیه ملاندریدن برلی جمعیتلرینک کور سانشلری بونجه کینور بولنر
 قالغان اولن کیشینی بخارا حکومتی بخار اده کی ضیالی، احوال ماندن قضا
 و اتلردن تعیین ایتسون. هر وزیر قول استده کی سیکر ایچون آلداید
 نیلده قانچ خراجات قیلیر قیلغان بولسه شوخراجاتی برلری بیلان آجیو باز
 سون. وزیر لر توده بی مجلسی غم کیلیپ کور ساتون. کیشا شیب قور برنگان
 کین باش وزیر بیلان شول حسابی کور ساتگان وزیر شول حسابده قول
 قویوب تیر کا و مجلسی گر کینور سونلر. تیر کا و مجلسی ند اکره قیلیب تصحیح
 یا قبول ایتکاندنوش ابرگر قول قویدور و بلسونلر. سونگره شول وزیر
 شول حسابده کی اقره فی مالیه وزیریندن آلیب خراجا قیلون. بونجه
 کوچ عمومی کوچدر. بونخلق کوچدر. مطبوعا قدر. غزته لردر.
 بخار اده هر کیم ایسته سه غزته چیقاره بیلسون. هر کیم ایسته سه کتابلر
 چاپریب تار قاته بیلسون. منه شول غزته و کتاب چیقاره تور غایتلر.

حکومت ملاندریدن ایچنی ایشلری. ملان ایشلری. تورغانیق خطا لریق. خیانتدن منیع انیملا کر کرد.
 هر خلق و هم تیر کا و مجلسی وزیر لرینک ایشلری. خطا بولردن سا قلاماق، خیانتدن منیع انیملا کر کرد.
 قوام ۱۲۳۶ هـ

Выборка из программы реформ.

радикален и практичен, что предполагает создание в Бухаре сельскохозяйственного банка с многочисленными филиалами в областях, что должно освободить бухарское дехканство от цепких лап многочисленных деревенских ростовщиков, а также завоз в Бухару и раздачу дехканам сельско-хозяйственных машин и обучение дехкан обращению с ними. Сельско-хозяйственные школы, агрономические знания, проводимые в массы,—все это предусмотрено проектом, обо всем этом должно озаботиться учрежденное для этой цели министерство земледелия.

Очень много места проект уделяет вакуфам.

Самый институт вакуфов проект считает весьма ценным, его необходимо сохранить, но совершенно изменив методы использования вакуфов.

Вакуфы, учрежденные специально для поддержки науки, в Бухарских владениях очень велики по сравнению с другими областями. Правильная организация вакуфов, прямое расходование средств вакуфов на просвещение и науку в Бухаре оказали бы большую поддержку прогрессу.

Но теперешнее состояние их ужасно.

Большее половины доходов с вакуфных имуществ попадает в карманы арендаторов.

Для управления вакуфами должно быть учреждено министерство вакуфов, куда и должны быть переданы все вакуфные имущества, вплоть до вакуфных лавок, библиотек, столовых и т. д.

Все доходы сосредоточиваются в особой вакуфной казне при министерстве вакуфов.

Капиталы этой казны должны быть использованы экономически, а на прибыль от них следует открыть новые школы, медресе, учредить публичные библиотеки, приюты для сирот, больницы и столовые для бедных и т. д. В вакуфных доходах и расходах должна быть заведена строгая отчетность, и она должна публиковаться во всеобщее сведение. «Земли вакуфные на справедливых арендных началах должны сдаваться дехканам».

Подведя, таким образом, через рациональное использование вакуфов материальную базу под дело народного просвещения и социального обеспечения и подняв вышеизложенными мерами благосостояние крестьянства Бухары и производительность ее сельского хозяйства, проект переходит к вопросам организации военного дела и финансов, без чего, конечно, не может быть сильного, самостоятельного государства, как того желают авторы проекта.

Проект, прежде всего, останавливается на вопросе увеличения численности армии. Армию необходимо увеличить до 12 тысяч человек, как то предусматривается договором Бухары со старым русским правительством, которого эмир, однако, не использовал.

Нужно ввести европейские методы комплектования армии: «воинская повинность должна быть всеобщая».

Подлежащие призыву лица должны быть освидетельствованы врачами, больные и инвалиды освобождаются. Срок отбывания воинской повинности двухгодичный. Призыву подлежат все достигшие 22-хлетнего возраста.

Дальше идут заботы о содержании и обучении войск. Проект требует постройки обширных казарм, открытия в Бухаре военной школы для командного состава, казенного довольствия и обмундирования для войск, а также хотя бы минимального месячного жалования для солдат.

Проект считает совершенно необходимым изгнать из армии произвол и жестокое обращение высших с низшими, широко практиковавшееся в эмирское время.

В качестве офицеров и инструкторов для вновь организуемой по европейскому образцу армии, за отсутствием подготовленных для военного дела бухарцев, должны быть приглашены офицеры-мусульмане, служившие и служащие в русской армии.

Все военное дело должно быть централизовано в военном министерстве.

В области финансов, находящихся в Бухаре в совершенно хаотическом состоянии, проект требует: отделения личных средств эмира от обще-государственных, упорядочения и точной фиксации налогов, ежегодного опубликования бюджета и учреждения для заведывания реорганизованными финансами министерства финансов.

Во внутренних делах проект требует проведения в Бухаре строго административного деления, учреждения оплачиваемых правительством местных властей и централизации управления.

Местное самоуправление предусматривается проектом в очень ограниченных размерах: лишь низовая ячейка власти—аксакалы—избираются народом.

Органы юстиции работают на основе шариатских законов и остаются в руках духовных лиц. Министр юстиции является в то же время «Казы-Каляном». Правосудие, таким образом, остается по прежнему и лишь его структура упорядочивается.

Для развития в Бухаре путей сообщения учреждается министерство путей сообщения, которое одновременно ведает и добывающей и обрабатывающей промышленностью.

Мероприятия правительства в области просвещения приводим дословно.

«Для распространения просвещения среди народа, учредить министерство просвещения, на обязанности которого лежит: во всех областях открытие за счет казны народных школ 2-й ступени, высших учебных заведений, назначение преподавателей в эти школы, выработка программ для всех школ всех типов, а также контроль над ними.

Предоставить всем право открытия школ. За исключением школ, находящихся в ведении Министерства вакуфов, никаких ограничений в этом вопросе—не допускать.

Министр просвещения, при участии экзаменационной комиссии министерства Просвещения, окончившим полный курс обучения выдает свидетельство об окончании учебных заведений».

Совет министров образуется в составе десяти министров.

1. Министерство Земледелия.
2. Министерство Вакуфов.
3. Министерство по Военным Дела
4. Министерство Финансов.
5. Министерство Внутренних дел.
6. Министерство Юстиции.
7. Министерство Милиции.
8. Министерство Путей Сообщения и добыв. и обраб. промышленности.

9. Министерство Просвещения.

10. Министерство по Внешним Дела.

У каждого министра имеется советник.

Впредь до подготовки специалистов из среды бухарцев должности советников замещаются из мусульман, образованных, культурных, приглашенных из России, Турции и Азербейджана.

Внешними делами, сношениями с Россией и другими иностранными государствами ведает министр, обязанности которого по должности возлагаются на Председателя Совета Министров.

Как видно из изложенного, проект все время остается в пределах монархической государственности, не доходя даже до парламентаризма: выборность министров и ответственность их перед народом нигде не оговорена. Поэтому он является, даже при бухарских условиях, неудовлетворительным, что скоро сознали сами джадиды, выработав и опубликовав в 1920 году программу Туркбюро революционных младо-бухарцев, которая действительно открывает в Бухаре эру народовластия и представляет собою, по сравнению с этим первым проектом, огромный шаг вперед, как в свою очередь, этот проект—по сравнению с произволом эмирата.

Главный недостаток проекта в том, что *Фитрат*, опасаясь раздражить правое крыло, впал в противоположную крайность: притупил революционное острие младо-бухарской идеологии. Он нигде не формулировал ясно даже требование Республики, что было, конечно, неоправдываемой слабостью. Даже вожьд правых, Абдул Вахид *Бурханов* поговаривал о необходимости республиканского образа правления.

И несмотря на все это, проект принес большую пользу: он ознакомил население с целями, которые ставили себе, как организация в целом, так и новый Центральный Комитет.

Кроме того, он снял с младо-бухарцев обвинение в разрушении религии, что имело огромное значение для отношения к джадидизму всех слоев населения и выбивало из рук духовенства главный козырь контрреволюционной агитации.

По второму вопросу о расширении организации за счет полупролетарских и бедняцких слоев населения и солдат—больших разногласий не было.

Работа в этом направлении явилась одним из первых шагов нового ЦК и увенчалась большим успехом.

Полупролетарским и бедняцким слоям эмирская реакция ничего не давала, а экономическое положение их, все время ухудшавшееся, готовило почву для революционизирования этих групп населения, поэтому агитация младо-бухарцев среди них, а также и армии, недовольной тяжелым режимом, имела большой успех.

В очень незначительный срок были организованы две или три ячейки среди частей эмира, объединяющих до ста человек солдат под руководством вышеупомянутых убитых эмиром товарищей.

Также была организована ячейка среди возчиков и кустарей Старой Бухары под руководством *Юсуп Заде* и *Ата Ходжаева* и одна большая тайная организация среди персов, в которой состояли до 150 человек кустарей, крестьян и прочих, руководимая *Ходжи Хасан Ибраимовым Шер Али* и *Ташевым*.

Работа велась и в других городах Бухары.

Одновременно с работой по расширению организации за счет трудящихся и выработкой программы ЦК, для большого сплочения организации и в целях наиболее широкого полного осведомления, как членов партии, так и широких кругов сочувствующих, в вопросах партийной

жизни и текущей действительности, ввел в практику еженедельные собрания легальных членов организации клуба татар «Шуро Ислам».

Обычно собиралось 200—300 легальных членов и много членов нелегальных ячеек.

На собраниях обсуждались вместе с вопросами партийной жизни и текущего момента также и злободневные вопросы: велись принципиальные дискуссии, читались лекции и так далее.

Вокруг клуба шла большая организационная и агитационная работа ЦК. Эта новая, приобретающая мало по малу характер массовой, работа имела большой успех.

За этот пред'октябрьский период младо-бухарская партия впервые стала сколько нибудь значительно проникать в подлинно трудовые массы: кустарей, солдат и отчасти крестьян, тем самым подготавливая новые кадры борцов против эмирского произвола.

Русский Октябрь и его влияние на Бухару.

И вот, в это самое время, во-второй раз, также как после Февральской революции, из России хлынула в Бухару новая мощная революционная волна, открывшая на этот раз угнетенным народам Востока путь к полному и безусловному раскрепощению.

Наступили Октябрьские дни.

Сначала наша организация не поняла, что перевернулась страница истории и открылся совсем новый период всемирной борьбы за социальное и национальное освобождение.

Весть о низвержении Временного Правительства в первое время привела младо-бухарцев в большое уныние.

Никто толком не знал, что происходило в России.

В Новой Бухаре, где не было в это время большевистской организации, шла большая провокационная работа контр-революционеров среди рабочих железной дороги: большевиков обвиняли в шпионаже в пользу немцев, в предательстве революции и т. д.

Если в нашей организации вначале, благодаря неосведомленности, произошла некоторая заминка в понимании сущности Октябрьского переворота, то эмир, напротив, ориентировался в положении очень быстро. Он сразу понял, что власть в России перешла к непримиримым и беспощадным врагам всякого деспотизма и угнетения. Он понял, что компромиссы бесполезны, что после Октябрьской революции уже никогда не сможет быть той трогательной дружбы эмирского правительства с Россией, какая снова начала намечаться после Февральской революции, когда представители официальной России: *Миллер*, *Шульга* и *Введенский* являлись лучшими друзьями и наиболее ценными советниками эмирского правительства.

Этой ясности понимания у эмирского правительства, кроме всего прочего, очевидно, весьма способствовали только-что перечисленные представители до октябрьской России вместе с другими контр-революционерами.

Эмирское правительство поняло, что беспощадная борьба с новым Правительством России и теснейшая дружба со всей русской контр-революцией, вытесняемой в то время из центра на окраины, а также с соседним деспотическим Афганистаном—его единственное спасение.

Ташкент, где власть перешла также, как и в Москве, в руки большевиков, занятый погорло собственными делами, очутившийся в неспо-

койном, скоро ставшем прямо враждебном, окружении, очевидно, не мог бросить в Бухару не только вооруженных сил, но даже столь необходимого для правильного понимания прогрессивными элементами Бухары создавшегося положения кадра партийных работников-пропагандистов и организаторов.

Эмир решил воспользоваться временной слабостью Ташкента и развил огромную энергию в борьбе с революцией по двум направлениям.

Во-первых, эмирское правительство решило не признавать советского правительства и всячески мешать появлению большевистских Советов в русских поселениях Бухары.

Ему легко удалось договориться по этому вопросу с существовавшими органами власти в русских поселениях.

Сидевшие там кадеты, меньшевики, эсеры и просто монархисты были страшно рады эмирской поддержке в борьбе с большевистской опасностью; они ничего другого и не хотели. Отныне пути их политики, и ранее не слишком расходившиеся с политикой эмира, трогательно совпали с ней на все 100%.

Честным маклером в этом соглашении эмирского правительства с представителями русских поселений был все тот же небезизвестный нам *Введенский*.

Обеспечив себя со стороны русских органов власти в Бухаре, эмир начал бешеное гонение на младо-бухарцев.

Во-вторых, правительство эмира деятельно принялось за создание вооруженной силы, стало лихорадочно организовывать армию и занялось установлением связи со всеми контр-революционными организациями Туркестана.

Эмир, как и все контр-революционеры в то время, очевидно, недооценивал силы большевиков, рассчитывал на скорый конец большевистского правления в России и потому совершенно открыто готовился к враждебным действиям.

После временной заминки и непонимания истинного значения Октябрьского переворота, происходившей вследствие неосведомленности, члены нашей организации быстро ориентировались в событиях и поняли благодетельную для развития нашей деятельности и освобождения Востока сущность Октябрьской революции.

Действия Туркестанского Советского Правительства и в особенности бешеная злоба к большевикам в стане наших общих врагов скоро открыли глаза младо-бухарцам: мы ясно увидели, кто наш друг и кто враг.

Этому прояснению сознания и повороту в сторону большевиков младо-бухарской организации не мало содействовали русские революционеры: тов. *Преображенский*, т. т. *Уткин* и *Полторацкий*—единственные рабочие коммунисты в Новой Бухаре.

С каждым днем положение в Бухаре становилось все более и более напряженным. Эмирская реакция распоясалась. Преследования усилились настолько, что много видных работников было вынуждено покинуть Старую Бухару и перебраться на постоянное жительство в русские поселения Бухары и в Керки.

Эти новые условия потребовали от партии новых методов работы и строжайшей конспирации в работе всех групп и ячеек в стране.

Сама собой напрашивалась мысль связаться с Советским Правительством Туркестана, с большевистской партией, в которой мы начали видеть самого надежного союзника в борьбе с деспотизмом эмира.

Переговоры с Колесовым.

По совету тов. *Преображенского* ЦК решил послать своих представителей в Ташкент для переговоров с Советским Правительством Туркестана.

Эти переговоры должны были установить единый фронт революционеров Бухары и Советской России против эмирата.

ЦК предложил мне и тов. *Преображенскому* выехать в Ташкент и мне договориться от имени младо-бухарцев с тов. *Колесовым*, Председателем Совнаркома Туркестана, по всем интересующим нашу организацию вопросам, вплоть до самого главного—совместного вооруженного выступления против эмира.

Для выработки конкретного плана действий, в случае согласия тов. *Колесова* на совместное выступление, состоялось несколько частных совещаний видных членов ЦК, где и был выработан нужный план.

Недели через две тот же состав членов ЦК утвердил выработанный план вооруженного выступления, основные моменты которого сводились к следующему:

1) Подготовка к восстанию не должна затягиваться, восстание должно начаться как можно скорей. ЦК организует два одновременных вооруженных выступления в Старой Бухаре и Керках. Выступление в Старой Бухаре должно начаться внезапно, ночью и закончиться в течение одного дня захватом правительственных учреждений, арестом эмира и министров.

Примечание. Арест эмира предполагался домашним порядком с целью его изоляции, однако, он должен был некоторое время остаться эмиром и издать от своего имени и имени духовенства, как его глава, манифест с опубликованием в нем всех требуемых младо-бухарцами реформ.

2) Так как силы младо-бухарцев могли оказаться недостаточными для успешного завершения восстания, решено было договориться с тов. *Колесовым* о помощи с его стороны отрядами русских красногвардейцев, которые с этой целью должны были расположиться к моменту восстания по линии жел. дороги и вмешаться в борьбу с эмиром на стороне младо-бухарцев в случае недостатка собственных сил последних. Сюда же входило и снабжение младо-бухарцев оружием.

Нам с тов. *Преображенским* удалось повидаться с тов. *Колесовым* и изложить ему причину нашей поездки, наши цели и нашу просьбу.

Колесов в принципе согласился со всеми нашими предположениями, но посоветовал не торопиться, вести подготовку несколько медленнее, чем то было предположено нашим планом. Это свое соображение он мотивировал надвигающимися событиями в связи с организацией Кокандского Автономного Правительства, объединившего национальную Туркестанскую контр-революцию под лозунгом независимо-буржуазного Туркестана.

Конечно, Кокандское Правительство, деятельность которого была направлена непосредственно против Советского Ташкента, была для *Колесова* куда важнее и опаснее, чем контр-революционное эмирское Правительство, прямо Ташкенту не угрожавшее.

Поэтому *Колесов* и посоветовал младо-бухарцам повременить выступлением.

Все же решено было держать постоянную связь между младо-бухарским ЦК и большевиками в лице *Колесова*.

Колесов обещал оказывать младо-бухарцам всемерную поддержку. По его расчетам выходило, что месяца через два лишь только будет ликвидирована кокандская опасность, тогда можно приступить к решительным действиям в Бухаре.

Колесов рассчитывал правильно. Не успели мы вернуться в Бухару, как уже враждебные советам действия кокандских автономистов начались. В Ташкенте произошла устроенная контр-революционерами демонстрация сочувствия Кокандскому Автономному Правительству. Демонстранты резко-враждебно выступили против Советского Правительства Туркестана и освободили из тюрьмы арестованных вождей Ташкентской контр-революции: *Доррера* и других.

По приезде нашем в Бухару, специальным совещанием членов ЦК наше соглашение с *Колесовым* было одобрено и ЦК, и организация в целом с этого момента усиленно занялись подготовкой к восстанию, ожидая обещанного *Колесовым* оружия и вооруженной помощи.

Мартовские (колесовские) события и причины неудачи.

К сожалению, этот смелый шаг ЦК, вся эта затея с восстанием, как выяснилось впоследствии, не увенчалась успехом.

Причин тому было несколько.

Первой и главной внешней причиной было то, что *Колесов* не сумел выполнить соглашения, не доставил младо-бухарской организации обещанного оружия во-время и в нужных размерах, следствием чего явилась невозможность вооружить всех членов нашей организации и, следовательно, начать восстание изнутри, как то предполагалось по плану и было, конечно, вполне целесообразным.

Наличные вооруженные силы младо-бухарцев оказались слишком слабыми для самостоятельного внутреннего вооруженного восстания. Из этой первой причины вытекает, как следствие, и вторая, особенно повредившая делу младо-бухарцев. Она заключалась в следующем. Вооруженное выступление началось не изнутри, а извне, не как народное восстание в Бухаре, а как наступление на Бухару небольших отрядов русских красновардейцев и младо-бухарцев.

То обстоятельство, что среди наступавших на Бухару войск была партийная дружина младо-бухарцев в количестве 200 человек, конечно, не могло ни в малейшей степени изменить общего неблагоприятного впечатления, вызванного среди населения Бухары появлением русских войск. Население Бухары—реакционеры—истолковали это вооруженное выступление не как внутреннее восстание, а как вторжение иноземцев в „Святую Бухару“.

При создавшемся настроении младо-бухарцы не только не встретили в населении поддержки своим планам, но, наоборот, эмирскому Правительству ничего не стоило натравить на них население, вызвать среди населения мощный взрыв национального чувства и религиозного фанатизма и представить младо-бухарцев, как изменников, продающих русским родину, как наглых осквернителей религии Ислама.

Третьей чисто военной причиной неудачи была недостаточность отрядов *Колесова* и необеспеченность нашего тыла.

Таковы были внешние обстоятельства.

Но и внутри самой младо-бухарской партии не было настоящего единства, настоящей твердой воли к победе. Партия еще не собрала своих сил, разбитых и разрозненных после мартовских событий 1917 года, в ней

не было единства идеи и настроения; ее терзали внутренние противоречия—борьба групп и мнений.

Влияние духовенства в стране было огромно. Эмир, как глава духовенства, а не только светский властитель, держал в своих руках все нити руководства духовной жизнью страны.

При такой обстановке каждому беспристрастному наблюдателю было ясно, что выступление осуждено на неудачу, что выступать очень рискованно, если не безумно.

Почему же ЦК все же решился на этот неосмотрительный шаг?

ЦК был вынужден выступить под влиянием все усиливающихся репрессий эмира, грозящих окончательным уничтожением всему джадидскому движению.

В случае отказа от выступления рисовались долгие годы медленной подготовки общественного мнения, накапливания сил,—все это в невыносимых условиях эмирского гнета и все усиливающихся репрессий.

Взвесив все это, ЦК решил выступить.

Не надо скрывать, что тут большую роль сыграло некоторое ослепление членов ЦК, излишнее увлечение руководителей движения теми, как мы теперь видим, небольшими успехами, которые сделала младо-бухарская партия среди кустарей и бедняков Бухары, а также среди армии эмира.

Это сообщило уверенность в успехе, все же выше отмеченные исключительной важности неблагоприятные моменты не были учтены полностью и своевременно.

Чтобы не подавать повода к недоразумениям, я должен здесь прямо сказать о себе, что я, как один из руководителей ЦК, не менее, даже может быть более других ответствен за все происшедшее, за все ошибки, допущенные в *колесовских* событиях ЦК; я не менее других был увлечен нашими скромными, как теперь вижу, достижениями и также надеялся на успех вооруженного выступления.

Слабость в этом вопросе является безусловной тактической ошибкой ЦК.

Итак, вооруженное выступление было решено

От переговоров до вооруженного выступления.

Местные организации младо-бухарцев, особенно организация Старой Бухары, приняли это решение с энтузиазмом и стали энергично готовиться к выступлению.

Но по мере приближения срока и все новых отсрочек выдачи оружия, которого ЦК не имел, настроение явно падало.

Колесов, занятый борьбой с кокандскими автономистами, медлил с выполнением взятых им на себя обязательств. Наименее устойчивые члены младо-бухарской партии, даже разделявшие тактику ЦК, охладевали к борьбе и впадали в уныние. Особенно ярко это обнаружилось накануне предполагаемого выступления, когда ЦК решил официально переименовать партию в младо-бухарскую.

Накануне столь важных событий невозможно было дольше сохранять неопределенную, нечеткую позицию. Необходимо было занять определенную позицию, во всяком случае поставить все местные организации партии и сочувствующих в известность о целях и задачах партии.

Так вот, это то решение о переименовании, принятое единогласно всем ЦК, даже лидерами его правого крыла: Абдул Вахид *Бурхановым* и Фазмитдин *Максумом*, было встречено партией холодно.

Организация устала от ожидания.

Единогласному принятию решения о переименовании организации в младо-бухарскую весьма помогло то обстоятельство, что о конкретной программе, принимая решение о переименовании, умолчали,—и спорить поэтому фактически было не о чем.

Тем не менее многие из старых джадидов остались в стороне от событий.

В феврале месяце 1918 г. произошли в Туркестане события, сделавшие задачу борьбы с эмиром для Советского Правительства Туркестана первоочередной и насущно-необходимой задачей.

Непосредственный враг Советского Ташкента—Автономное Правительство Ферганы—было ликвидировано.

Силы эмира, напротив, росли и становились опасными для Советского Правительства Туркестана.

Эмирская Бухара стала прибежищем всех контр-революционных сил: многочисленные белогвардейские офицеры, старо-режимные чиновники, бежавшие капиталисты находили у эмира весьма радушный прием.

Число недоразумений эмира с Советским Правительством Туркестана росло.

Проходившие через Бухару с кавказского фронта, демобилизованные казачьи части начали усиленно снабжать Бухару оружием; помимо этого, эмир закупал оружие где только возможно. Ему удалось установить связь с русскими контр-революционерами и при помощи русских офицеров наладить довольно многочисленную по тому времени армию в несколько тысяч человек.

Если к этому прибавить относительную финансовую силу эмирского правительства и его весьма значительные хлебные ресурсы и ту вызывающую позицию, которую он занял по отношению к Советскому Туркестану, то станет понятным, почему обеспокоилось Советское Правительство Туркестана и *Колесов* не меньше младо-бухарцев стал торопиться поскорее покончить с эмиратом.

В эмирской Бухаре Советский Ташкент увидел реальную угрозу, ставший весьма опасным контр-революционный центр в Средней Азии, и приложил все усилия к скорейшей его ликвидации.

Однако, тут *Колесов* и младо-бухарцы просчитались они недооценили сил эмира.

Опьяненный своей Кокандской победой, *Колесов* думал с той же легкостью ликвидировать и Эмирскую Бухару, но факты оказались против него.

Расчитывая на легкую победу, *Колесов* не придавал никакого значения восстанию изнутри; он был, очевидно, уверен, что его сил при небольшой поддержке младо-бухарцев будет вполне достаточно для захвата Бухары.

Создание младо-бухарского ревкома и вооруженное выступление.

О походе *Колесова* мы узнали за 5 дней, когда *Колесов* на обратном пути из Асхабада в Ташкент принял нашу делегацию, в которой участвовал и я, и сообщил нам, чтобы мы готовились к выступлению.

На наш вопрос об обещанном оружии, он ответил, что привезет его с собою, хотя и в небольшом количестве.

Центральному Комитету, который, несмотря на это мало утешительное заявление и другие неблагоприятные обстоятельства, все же твердо решил принять активное участие в событиях, не оставалось ничего другого, как согласиться с таким положением дел. О выступлении ночью в Бухаре и Керках, как и вообще о выполнении плана, конечно, нечего было и думать. Все, что мог сделать ЦК, это организовать дружину из 200—300 человек, вооружив исключительно членов партии и вызвав их для этого в Новую Бухару, где можно было легально и спокойно работать.

Остальным организациям сообщили смысл новых решений ЦК с предложением остаться на местах и ни в коем случае не рисковать выступлением, не имея оружия. С отдельными видными джадидами и младобухарцами была установлена связь в целях их своевременной информации и, если понадобится, вызова в Бухару. Для руководства восстанием был избран Революционный Комитет в составе семи товарищей: *Фитрата, Ата Ходжа, Бурханова, Аидарова, Пулатова, Фазлитдин-Максума и меня*. Я был назначен председателем Ревкома. Таким образом, вся ответственность и руководство были возложены на перечисленных членов Ревкома.

Наконец, наступил долгожданный день вооруженного выступления— 1-ое марта 1918 года. После обеда в Новую Бухару прибыл *Колесов* с эшелонами при орудиях и пулеметах. Его появление вызвало массу толков, как среди населения Старой, так и Новой Бухары. Эмирское правительство ясно почувствовало смертельную угрозу. Вечером того же дня в новой Бухаре было роздано оружие наличным членам нашей организации, и в вагоне *Колесова* состоялось совещание лидеров младобухарцев с *Колесовым*.

Обсуждению были подвергнуты следующие вопросы:

- 1) требования младобухарской партии,
- 2) самая форма обращения к эмиру и
- 3) стратегический план, в случае необходимости вооруженного наступления на Бухару.

По первому и второму вопросам были приняты следующие решения:

1. Революционный Комитет совместно с *Колесовым* обращается к эмиру с письмом, в котором указаны все реформы, требуемые младобухарцами.

2. *Колесов* и младобухарский Ревком дают эмиру, в случае его согласия на выставленные требования, гарантии, что он останется эмиром и сам, при помощи соответствующей организации, созданной из членов младобухарского ЦК, будет проводить намеченные реформы; в руках представителей младобухарского ЦК должна быть сосредоточена вся полнота фактической власти.

Эти требования носили ультимативный характер. В случае соглашения, эмир должен был в 24 часа прислать в Ревком письменное подтверждение своего согласия на требования младобухарцев с собственной подписью и печатью, а также, чтобы соглашение не могло быть им нарушено,—разоружить свою армию.

В конце ультиматума сообщалось, что вся ответственность за возможные произойти последствия будет возложена на эмира и его правительство. На этом же совещании был выработан *Колесовым* самый текст обращения к эмиру и с поправками младобухарского Ревкома, за подписью *Колесова* и моей подписью, как председателя Ревкома, был послан эмиру.

Ультиматум этот состоял в нижеследующем:

Первое. Бухарскому эмиру. Вместе с сим посылаю вам требование младо-бухарцев и прошу принять требования эти в течение 24-х часов без изменений.

Второе. Распустить существующее при вас правительство и назначить на его место Исполнительный Комитет младо-бухарцев, и вся власть будет находиться в руках Исполкома младо-бухарцев. Вновь организуемое правительство будет назначаться означенным Исполкомом по соглашению с вами.

Третье. Если не желаете кровопролития, тогда, конечно, примете эти требования. Если не примете, то за пролитую кровь ответственным будете вы. В этом случае всякое действие будет по нашему усмотрению. Ваш ответ должен соответствовать этим нашим требованиям. Если какой-либо ответ ваш будет противоречить нашим требованиям,—будем считать, как за непринятие наших требований.

Председатель Туркестанского Совнаркома

Федор Колесов.

Председатель Исполнительного Комитета

младо-бухарцев *Файзулла Ходжа.*

Что касается техники выступления, не говоря о чисто военной стороне дела, у меня осталось в памяти решение Ревкома принять меры к немедленному распространению среди населения воззвания, разъясняющего цели нашей войны с эмиром и наши требования. Это было необходимо, ибо, как уже указывалось, появление русских отрядов в Бухаре вызвало у населения неприязненное отношение к младо-бухарцам и даже—настоящий взрыв национального чувства и религиозного фанатизма. Если эмир будет упорствовать, решено было с утра начать наступление на Бухару двумя колоннами,—одна по железно-дорожной линии *Каган-Бухара*, другая по шоссе.

Так начались события, известные впоследствии в Туркестане под названием «Колесовских».

Эмир ответил на наше письмо, но ответ его был уклончив. В основном он сводился к тому, что лично он, эмир, не возражает против выдвинутых требований и рад их провести в жизнь, но, так как народ темн и фанатичен и, несомненно, будет этим требованиям противиться, то он, эмир, просит не настаивать на немедленном осуществлении всего изложенного в младо-бухарском ультиматуме и просит согласиться с его обещанием постепенно осуществить выдвинутые нами реформы.

Перед наступлением красногвардейцев и младо-бухарцев на Старую Бухару от эмира была получена вторая бумага.

В этой бумаге эмир принимал ультиматум, но он, с своей, стороны ставил несколько условий.

Первое. На все пункты посланного ультиматума согласен, но войско не должно войти в город.

Второе. В городе не должны делаться младо-бухарцами демонстрации.

Третье. Предлагаемые требования будут проведены не сейчас же, а по мере возможности.

Ответ был письменный, но эмиром подписан не был.

Неудовлетворенные этим ответом, ясно рассчитанным на выигрыш времени, утром следующего дня мы начали наступление. Кроме отрядов *Колесова* в этом наступлении приняли участие партийные дружины младо-

бухарцев—около 200 человек—и давнишние наши союзники—рабочие Новой Бухары, примерно в таком же количестве.

Главные силы были направлены по линии железной дороги, а на шоссе были посланы небольшие конные раз'езды и поставлена застава около самой Новой Бухары.

Первая стычка произошла в расстоянии одной версты от стен Бухары, у *Фатхабада*. Эмирские войска, главным образом, конные, очевидно, не очень хотели драться и быстро отступили, потеряв несколько человек ранеными и убитыми. Зато отчаянно дрались фанатичные приверженцы старого—муллы, хотя и плохо вооруженные: ножами, топорами. Я видел лично, как один из них с палкой в руках и ножом во рту, шел прямо на наших пулеметчиков и бросился на них. В этом бою был убит командир казачьей сотни Мирза Шамс и еще один из офицеров эмирской армии.

Эмир, увидев свое поражение, немедленно выслал к нам своих представителей с письменным согласием на все наши требования и просил, со своей стороны, прекратить наступление на город, дабы предотвратить напрасные жертвы с обеих сторон.

Мы все были уверены, что на этот раз эмир действительно решил уступить. Поэтому мы охотно согласились с приказом *Колесова*: «бой прекратить и вернуться в *Каган*».

Я вернулся в вагон *Колесова*, куда вошли также делегаты эмира: *Усман Бек Кушбеи*, *Ходжи Закирья Азимов* и другие.

Колесов вступил в переговоры с делегатами эмира, пригласив со стороны младо-бухарцев: меня, *Фитрата*, *Бурханова* и *Фазматдин Максума*.

Мы, прежде всего, решили удостовериться в правильности утверждения делегатов о согласии эмира, для чего проверили подписи и, главное, печать эмира.

Манифест эмира состоял в нижеследующем (буквально подписанный им в нашей редакции).

Манифест эмира.

Именем великого Бога, об'являем всему нашему народу, что для нации нет более великого счастья, чем равенство и свобода. Мы отлично знаем, если не дать нашему народу права и свободы и не реформировать правительственное управление по духу времени, то мы не достигнем счастья народа и мирной жизни в нашей стране. Мы признаем, что первой причиной такой отсталости нашего народа и нахождения его в темноте и в невежестве, является неорганизованность наших администраторов и рабство нашего народа.

Принимая во внимание эти обстоятельства и желая улучшения жизни нашего народа и нашей страны, нами был издан одиннадцать месяцев тому назад один манифест, но, благодаря подстрекательству некоторых сатрапов, манифест этот остался не проведенным.

От этого народ Бухары потерпел большое зло.

Так как нашей основной задачей является счастье страны и свобода народа, издавая этот второй манифест, мы об'являем всему нашему народу, что наше это решение твердое.

Для счастья народа наши задачи, которые будут проведены в стране, нижеследующие:

Первое. Предоставляя всему нашему народу свободу слова, свободу промысла, свободу обществ, окончательно аннулируем хищничество и тиранию.

Второе. На место существующих советников учреждаем в составе бухарских либералов Исполнительный Комитет и все реформы проводим по программе и указанию этого Комитета.

Третье. В виду того, что стоящие во главе существующего правительства лица, являясь противниками свободы, готовят создать прежние крамолы, отстраняем их, и на место их назначаем лиц, которые будут указаны Исполнительным Комитетом.

Четвертое. Управление страны организуем на основе справедливости и шариата.

Пятое. Исключаем из существующих положений телесное наказание и смертную казнь.

Шестое. Аннулируется существующая и разоряющая дехкан и страну система налога „амляк“ и в будущем устанавливаем, по указанию Исполнительного Комитета, какой-либо приемлемый другой налог.

Седьмое. Приносящая вред для торговых дел страны система налога «аминана» аннулируется.

Весь наш народ должен хорошо знать, что наши эти решения по пути к реформированию дел страны тверды.

Нет в мире таких сил сатрапов, которые могли бы заставить нас отказаться от этих решений.

Если кто-либо или какое-либо общество будет противодействовать этому манифесту, таковые будут подвергнуты нами самому строгому наказанию.

Девятнадцатое джумадиаль-ввал, год 1336 гиджри, соответствует второе марта год 1918 милляди.

Печать эмира.

Когда все оказалось правильным, мы, не доверяя эмиру, предложили сначала Колесову, а затем, после того, как он согласился с нашим мнением, делегатам эмира дополнительные условия полного прекращения военных действий, мы потребовали, чтобы эмир немедленно отдал своим частям приказ о добровольном разоружении. Это свое требование мы мотивировали тем, что теперь, после того, как военные действия фактически начались и начались по вине эмира—мы не можем верить эмиру, если он не даст нам реального доказательства своего миролюбия, разоружив свои войска

Это дополнительное условие встретило сильный отпор со стороны делегатов эмира. Они долго не соглашались, уверяя нас в прекрасном отношении эмира к реформам и любви к младо-бухарцам. Они говорили нам, что эмир и рад бы исполнить это требование, но что это фактически невозможно, так как эмирские солдаты и муллы настолько возбуждены, что, по всей вероятности, они не исполнят приказа эмира.

После того, как они увидели, что мы в этом вопросе непреклонны, они решили уступить, торгуясь только о сроках разоружения. Сперва предлагали трое суток, но потом согласились на одни.

Дальше было условлено послать с нашей стороны делегацию в Старую Бухару для контроля на месте исполнения соглашения о разоружении, после чего мы сами должны были в мирном порядке вступить в Бухару.

4. К истории революции в Бухаре.

В делегацию, посланную для контроля над разоружением эмирской армии, были избраны почти все военные. Имена и фамилии их, за исключением председателя делегации тов. *Уткина* и *Абдурахмана*, к сожалению, не сохранились в моей памяти.

Мы, вполне уверенные в успехе нашего предприятия, остались в Новой Бухаре и спокойно ждали вестей от нашей делегации.

Эмир же, которому при помощи всей этой затеи с мнимым разоружением надо было только выиграть время, и не думал сдаваться.

Наоборот, он тотчас же арестовал наших представителей, чтобы их казнить, а сам стал лихорадочно готовиться к новому на нас нападению с целью окончательно раздавить и уничтожить наши немногочисленные отряды.

Подготовка ему удалась самым блестящим образом.

Во-первых, он выиграл ровно три дня и за это время сосредоточил все свои части вокруг Бухары, во-вторых, он через специальные группы мулл повел против нас бешеную агитацию религиозно-националистического характера среди крестьянства, что ему прекраснейшим образом удалось.

Этим путем эмир бросил против нас до 35.000 чем попало вооруженных людей.

В третьих, он лишил нас связи с Туркестаном и, следовательно, всякой возможности получить подкрепление или даже, в случае неудачи, благополучно отступить, разобрав железнодорожный путь на протяжении 100 слишком верст, от Кермине до Кара-Куля и вырезав телеграфные провода.

Вот какой ценой мы заплатили за нашу доверчивость.

В то время, как шли все эти лихорадочные приготовления эмира, долженствующие нас уничтожить, мы, не предпринимая никаких мер, ждали вестей от нашей делегации. Но вестей не было.

Тут мы начали догадываться об обмане эмира.

Скоро наша догадка подтвердилась. Двоим делегатам удалось, несмотря на все кордоны эмира, бежать и они нам все рассказали. Ужасная картина казни наших товарищей открылась нашим глазам.

Но было уже поздно: мы скоро убедились в том, что отрезаны и что положение наше безвыходно.

Для всех было ясно, что мы с нашими небольшими силами не сможем повести наступление на город, где нас встретила бы вся эмирская армия и несколько десятков тысяч человек из поднятого муллами населения. Не только наступать, но даже защищаться в таких условиях было делом весьма трудным и опасным.

А эмирские войска и разъяренная многотысячная толпа наступали главным образом, по шоссе.

Единственным выходом из положения было требовать помощи из Керков и Термеза, где были сильные отряды пограничных войск. Но и это не вышло. Посланные на паровозах в Керки и Термез люди не могли туда пробраться, так как и тут дорога оказалась разобранной.

Единственным нашим преимуществом перед эмирской армией было наличие у нас артиллерии европейского образца. Мы и решили это преимущество использовать и начать обстрел Старой Бухары, заставив этим эмира прекратить наступление, а так же подействовать на толпу, создав панику в городе.

Обстрел начался и продолжался около 1½ суток, но никаких результатов не дал.

Как потом выяснилось, ни один наш снаряд не попал в город.

Этот странный и печальный для нас факт был тотчас же использован муллами, как доказательство помощи Аллаха и Магомета, не допустивших, чтобы артиллерия неверных и отступников Ислама, младо-бухарцев, разрушила святую Бухару. Аллаха и Магомет, по словам мулл, защитили от снарядов верующих и эмира.

Наконец иссякли снаряды. Ничего не оставалось больше, как отступить,—и Колесов приказал начать отход в сторону Ташкента.

Наше отступление и резня в Бухаре.

Так печально и бесславно закончилась первая попытка младо-бухарцев с оружием в руках сбросить эмира.

Но она не прошла бесследно и даром.

Совместно пролитая кровь, как бы предопределила пути развития революции в Бухаре, этой кровью навеида был скреплен уже давно еще во время мартовских событий 1917 года наметившийся союз между трудовым народом Бухары и русским революционным пролетариатом.

В этом смысл и значение, а, может быть, и историческое оправдание тактически неудачных колесовских событий.

Победившее эмирское правительство тотчас же начало с ужасающей жестокостью расправляться со всеми своими врагами и со всеми, кого оно считало за врагов.

Началась форменная резня, поголовное избиение, сколько-нибудь инакомыслящих людей.

Опьяненное победой и кровью, правительство эмира в течение каких-нибудь двух—трех недель расправилось не только с джадидами и младо-бухарцами, но также и со всеми, кто получил европейское образование, читал газеты и поэтому казался подозрительным обнаглевшей реакции.

Всею во время этой резни было уничтожено около тысячи пятисот человек младо-бухарцев и сочувствующих.

Вот список наиболее видных из погибших товарищей.

1) Халит-Ходжа, 2) Мирзаша, 3) Кори-Гулям, 4) Фатхула-Ходжаев, 5) Гияс-Ходжа, 6) Зубайдулла, 7) Абдурахман (сын Муллы Икрама), 8) Абдул-Вакил-Максум, 9) Мирза Шариф, 10) Кари-Мустахим, 11) Махди Шамсов, 12) Кари Ахмед, 13) Абдулла-Бахшураханов, 14) Измаил-Ходжа, 15) Мирзарахматулла, 16) Сирад-Жидин (брат Айни), 17) Низам (со всей семьей—13 человек), 18) Мирза-Исламкул (Шахризабс), 19) Джуракуль (Керки), 20) Мирза-Саиак (Керки), 21) Фатахчан (Керки), 22) Мирхан (Керки), 23) Ходжи-Абдусатар, 24) Бурхаджан (брат Файзлидина Максума).

Организованная в Старой Бухаре резня скоро распространилась по всему ханству.

Дальше в серии убитых идут сочувствующие делу реформ, среди которых было не мало чиновников эмира. Вот наиболее видные из них:

1) Мирза-Мустафа, 2) Насрулабек (со всей семьей—17 человек), 3) Мирза Ахмедбек (с сыном), 4) Ходжи Закирья Азимов, 5) Мирза Сахба, 6) Ходжи Датхо, 7) Исламкул Токсаба, 8) Кази Абдусатар, 9) Кази Саиджан.

Затем шли просто образованные прогрессивные люди, никакого отношения к джадидской или мадо-бухарской партии не имевшие.

Все время разжигаемая муллами, фанатично настроенная толпа не удовлетворилась избиением младо-бухарцев и сочувствующих. Гнев толпы, руководимой эмирскими чиновниками, обрушился на железнодорожных рабочих и просто иноверцев. Толпа начала громить поселки мелких станций и убивать всех иноверцев, даже десятки лет живших в Бухаре. Число этих жертв, точно не установленное, было очень велико, во всяком случае не меньше 1.600 человек. Особенно пострадали татары и лезгины, на которых, ввиду их непосредственного участия в событиях, точило зуб эмирское правительство.

Сведения о резне стали поступать к нам еще до нашего решения отступить в сторону Ташкента, они быстро распространились среди городского населения. Поэтому все те, кто мог опасаться гнева эмира, вся рабочая часть города и много обывателей вместе с женами и детьми присоединились к нашим отрядам, чтобы уйти под нашим прикрытием в Ташкент. Всего этих беглецов из Бухары набралось до 8 000 человек, и эта неорганизованная масса сильно затруднила наше отступление.

Мы стали отступать вдоль железной дороги. По всему пути от Новой Бухары до Кермине не было ни одной версты неразрушенного железнодорожного полотна, ни одного неразрушенного здания, включая станционные постройки, заводы, водокачки и т. д.

Нас по пятам преследовали эмирские конные части, время-от-времени начинавшие обстрел. К нашему счастью, у эмира не было артиллерии европейского образца, иначе нам пришлось бы плохо. Обстрел же из старых пушек был не опасен.

Наше отступление продолжалось пять дней.

На третий день, по прибытии в Кызыл-Тепе, снова начались переговоры с эмиром. Первым делегацию послал *Колесов*, но на этот раз, помня коварство эмира, назначил в нее не своих людей, а старых чиновников царского правительства: *Введенского*, *Хайдар-Ходжи-Мирбадалева*.

Делегация была послана *Колесовым* без всяких совещаний с нами. Предмета переговоров мы так и не узнали, но мы узнали, что эмир согласился прекратить преследование и принять меры к прекращению повсеместной резни, если только *Колесов* выдаст ему отступающих с ним младо-бухарцев или хотя бы только троих из них: *Файзулла Ходжаева*, *Фитрата* и *Бурханова*.

Это предложение встретило решительный отпор со стороны *Колесова*, но факт, что уходившие из Бухары обыватели были таким решением очень недовольны, они требовали нашей выдачи и вели огромную агитацию среди воинских частей, склоняя их требовать у *Колесова* согласия на предложение эмира.

И действительно, был момент, когда положение становилось очень опасным и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не счастливая случайность, сразу создавшая перелом настроения среди отступавших и нас окончательно спасшая.

Совершенно неожиданно, в самый критический момент к нам на помощь из Ташкента прибыл *Колузаев* с отрядом в 150—200 человек, он взял Кермине, и его раз'езды добились связи с нами.

На этом кончился знаменитый поход красногвардейцев и младо-бухарцев на Бухару, названный *колесовским*.

В дальнейшем руководство перешло в руки военных товарищей и *Колесова* лично, которые стремились во что бы то ни стало подписать скорейшее соглашение с эмиром.

Я думаю, что стремление *Колесова* заключить с эмиром во что бы то ни стало мир было вызвано не его военной слабостью в борьбе с эмиратом, а внебухарскими событиями: начавшимся контр-революционным оживлением в Туркестане и голодом в киргизских районах Туркестана. Эти два события отвлекли внимание Советского Правительства Туркестана и лично *Колесова* от Бухары. Иначе собравшихся частей было бы вполне достаточно, если не для полной ликвидации эмирата, то, во всяком случае, для разгрома эмирской армии и получения от эмира тех же уступок, которых Ташкентский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов добился у эмирского правительства еще непосредственно после Февральской Революции и в получении которых сыграл активную и большую роль работавший в то время в Ташкенте тов. *Бройдо*.

Торжество эмирской реакции и эмиграция младо-бухарцев.

После мартовских событий силы младо-бухарцев были совершенно разгромлены: наступила жестокая реакция, беспощадно уничтожавшая всякого, кто осмелился сказать слово критики.

Власть фактически перешла в руки кучки бездарных, жестоких авантюристов, вроде безграмотного старика *Имамкулла*, *Усманбека* и других. Фанатичные представители духовенства и реакционерные эмирские чиновники выдвинули для управления Бухарой *пятерку*, группировавшуюся вокруг бездарного *Кази-Каляна Буханитдина* и хитрого *Урианджи**).

Урианджи сделался фактическим правителем Бухары.

Напуганные всем происшедшим и ненавидящие Советский Туркестан и Советскую Россию—правители Бухары постарались совершенно отрезать Бухару от всякого общения с русской территорией, отгородили ее от Туркестана китайской стеной религиозного фанатизма и самой черной реакции.

В угоду политической реакции были принесены в жертву реальные интересы народного хозяйства и широкой массы мелких товаропроизводителей Бухары—бухарского дехканства.

Отгородившаяся от России Бухара потеряла единственный удобный рынок для своего сырья. Хозяйство ее, отрезанное от рынков сбыта, от всякого торгового сообщения, кроме торговли с непромышленным Афганистаном, стало приходить в застой и упадок и постепенно натурализировалось.

Эмир искусственно повернул пути общественного и хозяйственного развития Бухары вспять, отодвинул это развитие на несколько десятков лет назад.

Начался период английской ориентации эмирской Бухары, период дружбы ее с Афганистаном, приведшей Бухару в нищенское состояние.

Мартовские события 1918 года и разразившаяся после них реакция, разорившая и обессилившая Бухару,—есть самое кровавое пятно в истории Бухары за последние 60—100 лет, есть величайшее преступление эмира

*) Низаметдин Ходжа, родом из хорезмских узбеков, поэтому прозванный Урианджи, наиболее жестокий среди всех эмирских сановников, славился деловитостью и способностью, как администратор.

и его правительства, а также духовенства Бухары. Они ответственны за потоки пролитой невинной крови около 3.000 людей, за горе разоренных семей, за обеднение крестьянства и вообще за все те бедствия, которые постигли Бухару в период от Колесовских событий до революции 1920 года.

И в то же время эта кровавая реакция, эти тяжкие бедствия, выпавшие на долю Бухары, в лице широких кругов ее прогрессивного общества и трудящихся, имели, как это часто бывает в истории революции, и положительное значение.

Они всколыхнули еще совершенно незатронутые никакими новыми веяниями основные пласты бухарского крестьянства, они рассеяли тот ореол, которым, несмотря ни на что, еще было окружено имя эмира, как духовного главы, среди широких кругов населения, они открыли народу истинное лицо эмира и его приспешников, и это лицо поразило всех своим отвратительным лицемерием и нечеловеческой жестокостью.

Колесовские события, со всеми их последствиями, многому научили и младо-бухарскую партию. На своих ошибках она училась не допускать подобных ошибок впоследствии.

Все ухудшающееся, вследствие оторванности от России, экономическое состояние Бухары, подрывавшее благосостояние широких кругов крестьянства, ударяя по насущнейшим интересам трудящихся, еще больше содействовало их революционизированию.

Торговля с Афганистаном была выгодна только капиталистической верхушке Бухары, которая зарабатывала на этом ни с чем несообразные проценты, широкие же круги мелких товаропроизводителей принуждены были за безценок продавать свое ценное сырье, не могущее попасть в Россию, и втридорога покупать, так называемую, колониальную продукцию, шедшую в Бухару через Афганистан.

Глухой ропот народа усиливался.

Создавшиеся объективные экономические условия медленно подготавливали благоприятную для новой вспышки революции обстановку в Бухаре, хотя субъективные факторы революции и, в первую очередь, младо-бухарская партия, были много слабее, чем раньше.

Эти два противоречащие друг другу обстоятельства создавали весьма запутанное и трудное для разрешения политическое положение.

Разгром младо-бухарской партии затянул период реакции. Потребовалось целых два года только для того, чтобы восстановить ту силу организации, которая была до мартовских событий.

Уцелевшая от разгрома основная группа младо-бухарцев активистов, в количестве 150—200 человек, эмигрировала в Советский Туркестан, создав там два политических центра: в Самарканде и в Ташкенте.

Вокруг этих центров продолжалась работа по накоплению сил, по расширению организации и выработки новых методов борьбы в соответствии с изменившейся обстановкой.

Не будь этих политических центров, эмигранты, которые вследствие тяжелых условий существования разбрелись по разным городам Туркестана в поисках работы, могли бы мало-по-малу утратить между собой всякую организационную связь.

Однако, этого не случилось. Революционный закал эмигрировавших членов организации, а также руководство Самаркандского и Ташкентского политических центров—предохранили эмиграцию от распада.

Во главе Самаркандского центра стояли: *Рахмет Рафик* и *Атта-Ходжаев*, а во главе Ташкентского—*Айдаров*, *Бурханов*, *Фитрат* и я,

В начале условия существования обоих Центров были таковы, что ни о какой политической работе не могло быть и речи.

Вся наша деятельность была направлена к оказанию материальной поддержки членам организации, к поискам для них работы, собиранию и распределению кое-каких субсидий, без чего сама жизнь товарищей была подвержена риску голодной смерти.

Этот период эмиграции после разгрома, эти 5—6 месяцев, был самым тяжелым, унылым и опасным временем в жизни нашей организации.

Как всегда бывает в таких случаях, вскоре обнаружились неизбежные последствия разгрома. Падавшее настроение вызывало бесконечные раздоры, распри, как среди рядовых эмигрантов, так и между руководителями.

Несколько товарищей, не приспособленных к физическому труду (полевые работы или служба в армии), как-то: *Мулла-Рафаи* и *Мулла Максум* — погибли от голодной смерти. Это произвело на нашу организацию крайне тяжелое впечатление.

Начались обычные в период реакции симптомы разложения партии, выход членов из организации и переход их в другие партии.

Так, под влиянием лево-эс-эровской организации, несколько членов нашей партии, во главе с видными ее деятелями, как *Пулатов*, *Атта-Ходжаев* и *Кари-Гулям* — вышли из младо-бухарской организации и образовали новую группу, примкнувшую к левым эс-эрам.

Переход к левым эс-эрам этих последних вызвал разброд и неразбериху среди членов младо-бухарской партии. Многие из них без малейшего повода, без малейшего намека на идейное расхождение выходили из партии, разбивали ее силы и умывали руки от всех бухарских дел.

Иначе, как временной деморализацией, нельзя объяснить уход таких товарищей, как *Атта-Ходжаев* и *Пулатов*.

Объяснялось же это все, конечно, по иному. Это называлось протестом против ошибок ЦК, приведшего своей ошибочной тактикой партию к разгрому.

Острота этих обвинений была направлена, главным образом, против меня — как Председателя, создавшего во время колесовских событий Ревком.

Наблюдая все усиливающееся разложение среди членов нашей организации, слыша постоянную критику действий ЦК и не видя в данной обстановке путей к укреплению и оздоровлению партии — я был вынужден сложить с себя все полномочия и уйти от всякой работы в Ташкентском центре.

Распадом Ревкома закончился первый период эмиграции непосредственно после колесовских событий 1918 года.

Второй период эмиграции от середины 1918 года до 1919 года. Английская ориентация Бухары и революционизирование трудовых масс бухарского народа.

Период с 1918 года до начала 1919 года для нашей партии прошел тускло и вяло и характеризовался полнейшей ее бездеятельностью.

Внутри-партийная жизнь замерла, если не считать за оживление тех внутренних дразг и мелочных раздоров, о которых уже упоминалось, и которые неизбежны для всякой молодой, неоформившейся и неокреп-

шей партии в период реакции, усугублявшейся еще оторванностью от родной среды изгнанием.

Сам по себе, этот период, для Средней Азии в целом, был одним из самых примечательных и трудных периодов, когда зажатый в огненном кольце фронтов Советский Туркестан, экономически обессиленный, вследствие оторванности от России, героически отстаивал свое существование и закладывал в Средней Азии первоначальные основы советского строя.

Рабочий класс, в первую очередь железнодорожники Туркестана в союзе с передовой частью местной интеллигенции и городской бедноты, вынесли на своих плечах Советскую власть в Средней Азии в эту тяжелую годину нищеты и непрерывных боев с наседавшими со всех сторон на Советский Туркестан контр-революционерами.

Непоколебимая воля их к победе и нечеловеческая выносливость помогли им удержать в Туркестане завоеванные в октябре 1917 года позиции. Это было ужасное для Туркестана время. С запада, из оренбургских степей грозил Дутов, отрезавший Туркестан от России и тем самым сразу подорвавший экономическое положение Туркестана. На востоке угрожало враждебно настроенное семиреченское казачество, на юге — подготавливался англичанами закаспийский фронт. В Фергане свирепствовало басмачество.

Отрезанный от хлебной базы, Советский Туркестан, всегда живший, в значительной мере, привозным хлебом, испытывал тяжкие продовольственные затруднения, могущие каждую минуту перейти в настоящий голод.

Туркестанское золото — хлопок — стал не нужен; отрезанный от русской текстильной промышленности, не имевший и заграничных рынков, хлопок не мог быть реализован и это обстоятельство окончательно подорвало экономическую мощь Туркестана.

Трудность положения усугублялась борьбой с внутренней туркестанской контр-революцией, постоянными заговорами, а также саботажем чиновников и другими проявлениями пассивной враждебности к советскому строю.

Перечень контр-революционных сил, угрожающих Советскому Туркестану, был бы не полон, если бы я пропустил Хорезмское ханство и эмирскую Бухару — эти два очага Средне-Азиатской контр-революции.

Хорезм и Бухара со своим деспотическим средне-вековым строем, органически противным всякому, даже буржуазному, прогрессу, конечно, тем более, не могли быть в ладу с народившейся у них под боком Туркестанской Советской республикой и ждали только случая, чтобы напасть на нее и окончательно задушить ненавидимую ими Революцию.

Хорезмское ханство, лежавшее здалеке от железных дорог и торговых путей, слабое в экономическом и военном отношении не было страшно Советскому Туркестану.

Совсем иное дело была эмирская Бухара, престиж которой среди реакционеров рос с каждым днем и вырос до необычайных размеров.

Из всех контр-революционных очагов Средней Азии Бухара была самым значительным, единственным, обладавшим известной экономической мощью, значительной армией и налаженной государственностью.

Эмиру, ценой величайших народных бедствий и потоков пролитой крови, удалось, в то время, когда все кругом кипело, добиться полного спокойствия в своей стране и создать 20.000 армию сарбазов и наукеров, вооружив ее оружием европейского образца.

Начавшееся, как нами уже указывалось, после мартовских событий, хозяйственное и политическое сближение Бухары с Афганистаном и Персией, и через Афганистан с англичанами, развивалось вполне успешно.

Конечно, афганские и персидские рынки не могли заменять рынка русского, особенно в отношении реализации хлопка, но все же некоторую отдушину для Бухарского сырья они создали, и экономическое положение Бухары, хотя и ухудшившееся с потерей русского рынка, все же несколько укрепилось, во всяком случае было много благоприятнее, чем в Туркестане, совершенно отрезанном от всяких рынков сбыта. В Бухаре, кроме того, были хлебные ресурсы, которых в Туркестане не было.

Под влиянием изменившихся экономических условий произошла в Бухаре генеральная перегруппировка классовых сил.

Крестьянство, раньше часто являвшееся опорой реакции в лучшем случае нейтральное, стало уходить влево.

Недовольное упадком крестьянского хозяйства, увеличением налоговых тягот (эмирское великодержавие, создание 20,000 армии, содержание многочисленных русских контр-революционеров, белогвардейских офицеров и бежавших чиновников недешево обходилось Бухаре), крестьянство глухо роптало.

Армия тоже была недовольна несвоевременными получками, ничтожным содержанием, носившим характер жалких подачек, палочной дисциплины, а также ростом болезней, происходившим от отсутствия в эмирской армии всякой санитарии и от невозможных жилищных условий.

Начавшееся сначала робко, под влиянием тяжелых условий существования и полного невнимания эмира к интересам трудящихся, недовольство все разрасталось.

Сама бухарская действительность, само создавшееся хозяйственное положение будоражило массы, и для этого не нужно было никакой агитации злосчастных джадидов и младо-бухарцев.

Солдаты стали с оружием в руках дезертировать из эмирской армии, переходить границу и присоединяться к младо-бухарцам. Жестокие наказания и возможная казнь не могли устроить недовольных.

Параллельно с этим несомненным революционизированием масс, которого не видели лишь эмирское Правительство и правящая верхушка Бухары, твердо уверенные, что всякая опасность революции в Бухаре ликвидирована, младо-бухарская партия разгромлена окончательно и не воскреснет и не замечавшие того все возраставшего недовольства, которое происходило у них под носом, параллельно, с только что отмеченным накапливанием потенциальных сил Революции, шло объединение и сплочение вокруг эмира всего, что было и что стало реакционного в Бухаре.

Реакционные чиновники, духовенство и русские белогвардейцы нерушимой стеной стояли у эмирского трона.

Нового в положении было то, что фрондирующее и в некоторой своей части склонное к реформам бухарское купечество после октябрьской Революции и колесовских событий основной своей массой бросилось в объятия самой черной реакции и образовало единый фронт с духовенством.

Купцы и мелкие лавочники, арендаторы и ростовщики все эти представители молодого торгового капитала, смертельно напуганные действиями Туркестанского Советского Правительства, проводящего у себя национализацию недвижимых имуществ, заводов и капиталов, отшатнулись от всяких нововведений, были готовы помириться с любым деспотизмом, лишь бы не лишиться собственности.

Экономическая разруха на них отражалась очень мало. Торговля с Афганистаном, как уже было указано, разорявшая мелких товаропроизводителей, была выгодна купечеству, давая ему возможность наживать на ней огромные прибыли.

Реакционеры Бухары были уверены в скором падении большевиков и с нетерпением ждали прихода, с помощью англичан, нового русского царя и их вчерашних хозяев—русских капиталистов и фабрикантов.

Оценивая в смысле перспектив революции соотношение в Бухаре социальных сил, являющихся истинными двигателями всякой революции, в октябрьский период и к началу 1919 года, мы должны отметить, что крестьянство, не бывшее ранее революционным, стало к этому времени переходить в лагерь революции, купечество же, являвшееся до Октябрьской революции все таки одним из главных источников, из которых черпал свои силы джадидизм, решительно перешло в лагерь реакции.

Возможно, именно эта перегруппировка социальных сил, перенесшая центр движущих сил революции социально влево от имущих, вместе с непосредственным влиянием русского коммунизма, подготовила путь для радикализации некоторой части младо-бухарской партии, постепенно превратившейся из обычной буржуазной прогрессивной партии, в коммунистическую партию Бухары.

Но, конечно, эта перегруппировка социальных сил отразилась на младо-бухарской партии, находившейся в изгнании, не сразу и не в полной мере. Младо-бухарцы к этому времени окончательно обосновались в Туркестане, главным образом, в Самарканде, Ходженте и Ташкенте.

С убылью эс-эровских увлечений в России скоро ликвидировалась левая эс-эровская младо-бухарская группа Атта-Ходжаева и Пулатова.

Создание коммунистической группы младо-бухарцев.

Но поиски нового направления, несомненно диктуемые изменившейся обстановкой, в младо-бухарской партии не прекратились. Вместо прекратившей существование левой эс-эровской группы, скоро выделилась новая, примкнувшая к большевикам. Организаторами ее были: Мухтар-Саиджанов, Якуб-Заде, Азимджан и, позже к ним присоединившиеся, Хусейнов, Аминов и Акчурин, с целым рядом других менее видных младо-бухарцев.

Эта новая группа, несомненно гораздо более жизнеспособная, чем лево-эс-эровская, скоро развила весьма значительную деятельность. Она обратила особое внимание на воспитание и обучение эмигрантов в многочисленных партийных и советских курсах, открывшихся в то время в Ташкенте и других городах, а также много проработала в деле улучшения материального положения эмигрантов.

Несколько десятков товарищей подошли вплотную к работе РКП, вступив добровольцами в Красную армию и сражаясь на фронтах Ферганы, Закаспия и Актюбинска бок-о-бок с русскими коммунистами, в рядах русского революционного пролетариата.

В числе вступивших добровольцами в Красную армию были: Аминов, Саиджанов и др. Эта работа в Красной армии, как чисто военная, так и политическая, много дала для самовоспитания в духе коммунизма и дисциплинирования членов нашей организации, особенно тех, кто лично вступил в Красную армию.

Коммунистическая часть младо-бухарской партии, втянувшись в настоящую активную партийную работу, впоследствии наладившая связь с Бухарой, принесла много пользы делу Революции, когда с ликвидацией Закаспийского фронта живая связь эмира с англичанами была утрачена.

Другая часть эмиграции, необъединившаяся с коммунистической группой и не присоединившаяся к образовавшейся впоследствии другой младо-бухарской группе, организовавшейся вокруг газеты «Уч-Кун», отошла совсем от всякой политической работы, занявшись личными делами: службой в советских учреждениях, в органах народного образования и т. д.

К числу товарищей, отошедших от всякой политики, принадлежали: Муса-Саиджанов, Ходжи-Хамра и на известный период Мирза-Изатулла и Абдул-Вахид-Бурханов.

Фитрат, хотя формально и не порвал связи с партией и политической работой, но активно в партии не работал, уйдя с головой в культурно-просветительную работу и одновременно поступив на службу в Афганское консульство.

Я лично в это время в Туркестане не был, уехав в Москву после сложения мной моих полномочий.

Воссоединение Туркестана с Россией. Приезд Турккомиссии. Начало подлинной ленинской национальной политики в Средней Азии.

Эта унылая обстановка, полная застоя, распада и разложения, в корне изменилась к лучшему после воссоединения Туркестана с центром Советской России.

Два новых факта в корне изменили всю обстановку работы младо-бухарцев, как и всех вообще революционных сил Средней Азии.

Эти два факта—разгром контр-революционных сил Колчака и Дутова, начавшееся полное очищение территории Туркестана от белых банд и приезд специальной Туркестанской Комиссии ЦИК РСФСР для налаживания работы в Средней Азии во главе с т. т. Элиава, Фрунзе и Куйбышевым.

Первый раз за все время революции было обращено большое внимание на вопросы хозяйства и оживление края и, главное, на привлечение к делу советского строительства трудовых масс коренного населения.

Туркестанское советское строительство, бывшее до этого в основном русским, таджикским,—после приезда Турккомиссии стало усиленно коренизироваться.

Именно здесь был заложен камень национального освобождения народов Востока, подлинно национального строительства, именно здесь впервые была поставлена и разрешена в духе Ленина национальная проблема в решении, сочетавшем воедино пути социального и национального освобождения и приведшем в конце-концов, постепенно оформляясь и совершенствуясь, к созданию СССР.

Интерес, проявленный в это время Советским Правительством к строительству национальной Советской государственности в Средней Азии, выдвинул и Бухарский вопрос снова в порядке дня.

Все это создало новое оживление в младо-бухарских партийных кругах. Были сделаны новые попытки к установлению политической и хозяйственной связи с Бухарой, хотя и не давшие ожидаемых результатов, ввиду упорства эмира и несговорчивости его Правительства, но все же влившие новую струю бодрости и надежды в ряды младо-бухарцев.

Сравнительное улучшение экономического положения Туркестана, вызванное установлением, после ликвидации Дутовской пробки и открытия прямого сообщения по Ташкентской железной дороге, торговой связи с Россией, а также правильное разрешение национального вопроса, фактически проводимое в жизнь Советским Правительством Туркестана, по указаниям Турккомиссии, создали коренной перелом настроения в широких кругах Туркестанского крестьянства и впервые установили подлинное объединение, как теперь говорят, «смычку» туркестанского крестьянства с пролетариатом России.

Видя, что в Туркестане положение населения значительно улучшилось, что насущные вопросы трудящихся, в первую очередь крестьянства, начали реально удовлетворяться и, невольно сравнивая положение освобожденного Туркестана со своим подневольным и нищенским состоянием, крестьянство сопредельных деспотий: Бухары и Хорезма, начало волноваться; оно увидело, что Советская власть—крестьянская власть, что бы там ни говорили муллы и баи.

Кровавый режим эмира и хана заколебался.

Никакими стенами, никакими кордонами нельзя было отгородить Бухару и Хорезм от революционного советизирующегося Туркестана.

Хорезм, более слабый, первый почувствовал это.

Революционеры Хорезма, воспользовавшись междоусобной войной Хорезмского хана и туркменских феодальных вождей образовали несколько смешанных узбеко-туркменских отрядов, которые при помощи Красной армии, в начале 1920 года, сумели ликвидировать Хорезмского хана и объявить Хорезмскую Советскую Республику.

Эмир, крайне обеспокоенный падением Хорезмского хана, с новой энергией принялся за строительство своей армии, за увеличение ее численности, вербуя солдат путем разверстки рекрутов по областям и отдельным племенам и национальностям, населяющим Бухару.

Кроме того, он всеми путями добивался военного союза с новым афганским эмиром—*Аманулла Ханом*.

Попытка эмира заручиться союзником в лице Афганистана на первых порах имела успех, сводящийся к внешнему проявлению симпатии Афганистана к эмирской Бухаре, к обмену подарками и всевозможными любезностями.

Бухара и Афганистан обменялись посольствами, и *Аманулла Хан* послал даже за несколько месяцев до Бухарской Революции эмиру бухарскому несколько пушек и четыре или пять боевых слонов, которые были торжественно приняты эмиром.

Афганское правительство, любезничая с Бухарой, несомненно лелеяло мечту объединения всех мусульманских народов вокруг священного знамени панисламизма, с Афганистаном во главе.

Во всяком случае оно рассчитывало на удобный момент расширить свою территорию за счет восточных провинций Бухары.

Изложенными причинами и объясняется дружба, проявленная Афганистаном к эмирской Бухаре.

Афганское правительство, несколько опьяненное недавними успехами на индийской границе, в борьбе с Англией, решило, что пробил час осуществления мечты о великом Афганистане.

Однако, политика Афганистана в этом вопросе была чрезвычайно осторожной: хотя Афганское правительство и выступило в защиту доброго эмира Бухары против Советского Туркестана, все же всерьез ссориться с Советской Россией Афганское правительство опасалось: взаимное признание,

Члены Туркбюро Младо-Бухарской Революционной Партии.

которым обменялись в скором времени Афганистан и Советская Россия, является наглядным тому доказательством.

Надо учесть, что это было одно из первых признаний, полученных Советским Правительством.

Эмир, сильно струсивший после падения Хорезма, все же долгое время держался вызывающе по отношению к советскому Туркестану, не делал никаких уступок внутри страны и с прежней жестокостью карал всякое культурное, прогрессивное и, тем более, революционное начинание; младо-бухарцы им попрежнему жестоко преследовались.

Все же ни репрессии, ни армия, ни дружба с Афганистаном, на которую так надеялся эмир, не помогли ему.

Широкие круги Бухарского населения, особенно неимущие и интеллигенция, как уже указывалось, неудержимо тяготели к Советской России.

О событиях 1918 года в Бухаре вспоминали уже не с той реакционной злобой, как раньше, а с большим сочувствием, только сожалея, что они окончились так неудачно.

Несмотря на все преследования, тайные общества и нелегальные комитеты росли один за другим.

Жестокая казнь, постигавшая попавшихся их участников, никого не устрашала. Движение против эмира росло и ширилось.

Уже упомянутое недовольство в армии привело к массовому дезертирству и переходу границ солдатами, которые присоединились к младо-бухарцам.

Все эти события, это революционное настроение, охватившее массы, естественно, привело к очень большому оживлению среди эмигрантов, о чем мы говорили не раз.

Туркбюро революционных младо-бухарцев и его деятельность.

Сразу, после воссоединения Ташкента с Москвой, на ряду с образовавшейся ранее Коммунистической группой, начала работать другая очень влиятельная группа младо-бухарцев. Она имела влияние не только среди кустарей и солдат, как коммунистическая, но и среди других слоев населения.

Эта новая группа назвала себя—Революционной младо-бухарской партией.

Своего ЦК, как Коммунистическая группа, она не имела. Руководящий центр этой группы назывался Центральным Туркестанским Бюро Революционной младо-бухарской партии.

Отсутствие ЦК и создание вместо него Центрального Туркестанского Бюро, Революционная младо-бухарская партия мотивировала нежеланием брать на себя функций ЦК, который фактически распался после неудачи мартовских колесовских событий и мог быть законным образом вновь оформлен только после партийной конференции и передачи ЦК соответствующих полномочий нелегальными комитетами и отдельными членами бывшего ЦК.

Чтобы избежать возможной путаницы и новых расколов, лучше было не создавать самостоятельного ЦК, что революционная младо-бухарская партия и сделала.

Свое существование параллельно с коммунистической группой Революционная младо-бухарская партия оправдывала необходимостью использовать в борьбе против эмира все имеющиеся в Бухаре револю-

ционные силы, в том числе и те, которым было не по дороге с коммунистической партией, как-то: многочисленных мелких торговцев, ремесленников, среднее и мелкое чиновничество и другие, которые не будучи настроены коммунистически, все же могли принести огромную пользу делу революции в Бухаре.

Революционная младо-бухарская партия развила кипучую политическую деятельность, выпустив первая газету „Учкун“, выработав и опубликовав разрабатываемую с 1917 года программу младо-бухарской партии, значительно отличавшуюся от прежних проектов своей радикальностью и практицизмом постановки вопросов, изменившуюся так соответственно новым условиям и общему положению масс.

Для наглядности мы приведем несколько страниц из этой программы, а также два образца воззваний к армии и народу, выпущенные Туркбюро революционных младо-бухарцев, первое на узбекском, второе на фарсидском языке.

۱۳۳۸ هجری قمری ۱۹۲۰ هجری قمری ۱۳ ۱ شعبان شعبان ۱۳ ۱ شعبان شعبان

برکون کیلور ؛ بوکونگی شر آفتاب اولور

۱۰۰

پرورش شد و قصه زمان ضعیف شد با
 باشد خون خان ستمگر شد با
 طبع حلال - پرومما ، اگر در جهان
 بیگانه صدای قلم قصاب با
 ای جاشین ذوق ! موجودات افتاد
 یک مصحف بلاست شد اما کتاب با
 ایام ، نگذشت بعزمت ولی چه غم
 استادی شدی شد آخر اغتراب با
 مقصود داشت ، یکدلی و نسیف خاکبان
 دارد و خیال می خرد عظیم آفتاب با
 از حرکت ، مباد در خیاب اهل علم
 صد طولی قیام برآرد تراب با

[illegible]

Программа

Туркестанского Центрального Бюро революционных младо-бухарцев.

Программа Туркбюро младо-бухарцев начинается после лозунга — „объединяйтесь против гнета“, вступительной частью, в которой излагаются: общее положение Бухары и основные цели младо-бухарцев, вторая часть содержит практические предложения младо-бухарцев, их план реформ и организации управления.

Во вступлении указывается, прежде всего, на раздоры между многочисленными и разнообразными племенами и нациями, населяющими Бухару киягазы, мангиты, узбеки, туркмены и таджики в постоянной междуплеменной борьбе пролили море крови; вместо мирного сожительства между собою, они стремятся к власти друг над другом.

Эмир и беки вместо того, чтобы заботиться о процветании Бухары, о ее экономическом и культурном развитии, думают только о власти и обогащении, всячески разжигая и обостряя существующую между племенами вражду.

Властители обогащаются, народ нищает.

В последнее столетие европейские империалисты, стремясь колонизовать Восток, бросили туда свои войска; бухарские эмиры и беки против европейского капитализма никаких мер не предприняли. Они даже не поняли, кто на них наступает. Они все еще продолжали свои междоусобицы.

„Когда в конце прошлого столетия русские империалисты приступили к покорению Туркестана, в то время как население Семиречья (Джетысу), Сыр-Дарьи и Ферганы героически сражалось и продолжало отчаянную борьбу с русскими империалистами, как раз в то время бухарский эмир и беки наступают на Ферганское ханство, тем самым содействуя русским империалистам в покорении Туркестана“.

На многочисленные попытки угнетенного народа к восстанию эмир и беки отвечали жестокими репрессиями, не останавливаясь перед помощью русских казаков.

Бедное население Бухары стонало под двойным гнетом эмирата и русского царизма. Оно было лишено всякой культуры, всех человеческих прав.

„Для борьбы с ужасным режимом эмира в 1908 году в Старой Бухаре тайно организовался комитет революционно-мыслящих людей, который приступил к работе, стремясь: 1) к открытию в Бухаре новометодных школ, изданию газет и журналов, посылке в Европу молодых бухарцев учиться в целях общего поднятия политического, экономического, социального и культурного уровня бухарского народа“

2) „К ликвидации существующих до сего времени между отдельными племенами враждебных отношений и к сосредоточению их разрозненных сил в одном центре“.

3) „К организации в Бухаре власти на основах демократии“.

4) „К освобождению Бухары от вмешательства иностранцев в ее внутреннюю жизнь“.

Для осуществления указанных четырех целей, говорится далее в программе, младо-бухарцы вели соответствующую культурную работу.

Октябрьская Революция „превратила Петроград и Москву в центры мировой революции“ и в корне изменила политику России.

Россия встала во главе мировой Революции, в первую очередь, во главе борьбы за освобождение Востока.

„Перед восточным миром открывается широкая дорога освобождения из под ига европейского империализма. Пролетарская власть, организованная в Центральной России, не только на словах, но и на деле доказала, что она борется за освобождение Востока“ и отсюда „завоевала доверие революционеров Востока“.

„Поэтому, совместная работа с рабоче-крестьянскими массами всего мира есть основная задача и цель революционных младо-бухарцев.

Да здравствует свободная и самостоятельная Бухара!

Да здравствует союз угнетенных масс Востока с трудящимися Запада!“

Программа революционных младо-бухарцев в своей практической части сводится к следующим основным положениям.

В области организации власти младо-бухарцы требовали: уничтожения эмирата, создания вместо него народной республики, с введением в состав Правительства представителей населяющих Бухару народностей в количестве пропорциональном численности населения каждой данной народности, а также введения всеобщего избирательного права, которое, однако, не распространяется на эмира, его родственников, духовенство и их сторонников—контр-революционеров.

Программа очень много внимания уделяет национальному вопросу и международному объединению трудящихся.

Эту часть программы мы приводим полностью.

1. „Партия признает трудящиеся массы каждой нации в политических правах одинаковыми и не допускает проявления национальной и религиозной вражды между ними. Партия всеми силами стремится к недопущению раздоров между нациями и прилагает все силы к тому, чтобы каждый гражданин в Бухарской Народной Республике в правах был равен со всеми, одинаково пользовался всеми предоставленными ему правами“.

2. „Партия отказывается от всякого сотрудничества с капиталистами Европы, но будет вести совместную борьбу за освобождение трудящихся с европейскими рабочими и крестьянами“.

3. „Партия всеми доступными ей силами и средствами будет бороться за освобождение из под власти европейского империализма“.

4. „Партия выступает против угнетения одного восточного народа другим, против насилия сильного над слабым“.

В области распределения земли и воды, этих двух основ, на которых держится крестьянское хозяйство в Средней Азии, партия предлагала весьма радикальную для джаидов программу, а именно: она обещала конфисковать землю эмира, беков и все земли, несправедливо отобранные у крестьянства угнетателями, и распределить их среди трудящихся; кроме того, в целях развития крестьянского хозяйства и улучшения быта крестьянской бедноты партия обещала издать законоположение о вакуфных землях, облегчении налогов, а также выдавать беднейшему крестьянству беспроцентные правительственные ссуды; она обещала провести

ظلمه قارشی اتفاق ایتکثر !!

انقلابی ایش بخارا ایلر تورکستان مرکزی هویسی نث

مرامنامه سی

تورکستان - تاشکند

۱۹۲۰

مهمبر سیز نینجه لرباخته در

на Всебухарском крестьянском съезде законоположение о размежевании земли. Расширение оросительной сети путем проведения за счет правительства ирригационных работ и издание закона о распределении воды также не были забыты в программе.

Удовлетворяя перечисленными выше мерами насущные интересы крестьянства, партия уделила в программе много внимания и облегчению положения рабочих. К обещанным в этой области мероприятиям относятся: введение 8-ми часового рабочего дня, строительство профсоюзов с исключением из их рядов всех нетрудовых элементов, организация кооперации и государственное ее кредитование.

Защита прав рабочих и полная свобода и даже в некоторых случаях поддержка Правительством забастовок и стачек, государственная охрана труда, запрещение наемного труда всем лицам, не достигшим 18-ти лет, и, наконец, государственное страхование престарелых и нетрудоспособных рабочих тоже предусматриваются в программе.

Программа заканчивается мероприятиями в области юстиции. Они сводятся к следующим трем пунктам:

1) „Партия требует, чтобы суды подчинялись исключительно закону и чтобы они были свободны и ограждены от всякого вмешательства в их работу и влияния на них посторонних лиц“.

2) „Суды выносят свои приговоры и решения на основании законов, изданных и утвержденных учредительным собранием“.

3) „Уголовные суды делятся: на суды первой инстанции, судьи которых выбираются населением, и на суды второй инстанции,—которые выносят свои определения по делам, рассмотренным судами первой инстанции“.

Объединяйтесь против гнета.

Воззвание к бухарскому войску. *)

На протяжении всей истории человечества, ни в одном веке, в особенности за последнее время, ни один народ так не угнетался, как народ бухарский. Бухарский народ угнетался под тираническим режимом бухарских эмиров в течение сотен лет и терпел сотни тысяч видов репрессий.

Трехмиллионный бухарский народ, состоящий из наших братьев, сестер и матерей, и в настоящее время угнетается доисторическими репрессиями и тиранством.

Десятки лет тому назад европейцы и более передовые народы других частей Востока сбросили с себя строй гнета и подлости, подобный существующему у нас.

Возьмем, например, соседнюю нам Россию, где все события происходили на наших глазах. Российское государство, которое являлось самым тираническим государством среди европейских государств, так сильно не тиранствовало, как наши бухарские эмиры. Однако, несмотря на это, народы России, т. е. дехкане, войско, рабочие, интеллигенты—все вместе объединились и сбросили Правительство Николая.

Другие мусульманские народы, например, народы Турции, Персии и Афганистана, совместно с войском, сбросили тиранов: государей, беков и прочих своих властителей и вместо них учредили для контроля над

*) Воззвание к солдатам на узбекском языке.

всеми государственными делами и для совместного управления страной народные представительства, а в некоторых странах объявили республику.

Соседний нам русский народ выбрал еще более народную форму правления и всю государственную власть передал в руки советов рабочих, дехканских и солдатских депутатов, т. е. в руки всей трудящейся массы.

В этой цепи государств и стран наша Бухара остается прежней, в ней за исключением 4—5 человек буржуев, пяти муфтиев и нескольких беков, весь народ продолжает все еще угнетаться.

Читатели этих строк, возможно, зададут вопрос о том, кто делал революции? На этот вопрос мы можем ответить, что все революции делали герои—войска и народ. Потому что войска—это не какая-нибудь вещь, которая падает с неба или растет на земле; войска—такие же люди и они набираются из среды тех же дехкан или ремесленников той же трудящейся и бедняцкой массы. Они тоже вместе с народом угнетаются, они тоже рабы тиранов.

Государи и эмиры вначале привлекали их к себе на некоторое жалование, затем, говоря им, что он, государь, является тенью Бога, и обманывая разными другими путями, делали их своими сторонниками, а затем уже использовали их в качестве орудия для угнетения их же братьев.

Но по истечении некоторого времени и войска понимали сущность дела и они, для освобождения из под гнета дехкан, ремесленников, сирот и бедняков, объединялись с народом и достигали в этом больших успехов. Они отбрасывали тиранические правительства и вместо них устанавливали, по своему выбору и желанию, один из тех видов правления, о которых говорилось выше.

Почему против государей и эмиров шли войска, а не только дехкане, ремесленники и другие угнетенные?

Это потому, что у дехкан, ремесленников и других угнетенных нет в руках ни пушки, ни пулемета, ни винтовки, ни револьвера; а с другой стороны у них нет никакой возможности собраться в одном месте и создать какую-либо крепкую организацию. Это относится особенно к нам, бухарцам.

Что же касается войск, то они организованы, и, кроме того, они больше осведомлены о том, что делается в мире, чем дехкане или другие угнетенные. Каждый народ или партия, если они не поддадутся обманам кушбеги и прочих, имея в руках пушку, пулемет, винтовку и револьвер, в желаемый момент смогут сбросить плохое правительство и поставить на его место другое—хорошее.

Если по всей земле дело обстоит таким образом и если такова потребность момента, почему бухарские войска являются сторонниками такого тирана, кровопийца, взяточника и отступника шариата—эмира, а также сторонниками народных кровопийцев—беков, и почему они ставят своих братьев в такое угнетенное положение? Такое положение вещей происходит, возможно, потому, что бухарские войска обмануты эмиром, что они веруют в обманные толкования шариата некоторых муфти и мулл, или же они не знают меры уничтожения тиранства, которое они видят вокруг себя? Или же они, зная и видя истину, все же идут против правды и истины и предпочитают угнетать своих же братьев? Нет, даже возможность существования такой мысли мы никогда не допустим!

Дорогие братья!

Славные потомки Тимура!

Сегодня наступил тот день, когда вы должны показать все свое геройство и проявить все свои силы. Выходите с обнаженными саблями на поле битвы против эмира, т. е. против того, который купил вас, как раба, за 130 руб. бумажных денег и который морит вас голодом.

Сбросьте эмира, беков и казиев, т. е. тех, которые превращали ваших братьев и сестер в „жуаны“ и насильовали их ежегодно сотнями, а отцов и матерей их угнетали и проливали у них кровавые слезы. Дайте места угнетателей подходящим людям и таким образом завоюйте у тиранов права для угнетенных.

Наступил тот момент, когда вы должны освободить народ от рабства амлякдаров, которые закабалили ваших отцов и матерей, братьев и сестер, сирот и бедняков взиманием „амляка“, „хираджа“, „баджа“ и других налогов, наступил момент, когда надо брать в руки самого народа его культурно-человеческие права и этим самым занять на страницах истории Бухары и революции славное место для себя.

Пришло время, когда надо отбросить в сторону всех тех мулл, которые, идя против шариата, благословляют обманы тиранов и сатрапов; на их места надо посадить таких бухарских мулл, которые преданы только правде и богу.

Не бойтесь, право и сила на вашей стороне!

Как в прежнее время, сейчас нет Николая; соратники эмира, которые могли бы взять сторону эмира и послать против вас русские войска, давно выброшены из России. Сейчас есть только рабоче-крестьянские, красные войска, которые всецело стоят на вашей стороне. Они всегда готовы придти вам на помощь.

Для достижения ваших целей организуйте в вашей среде, в каждой вашей „дести“ (роте) из лиц честных и стойких, преданных праведному делу, тайные общества. Назначьте в этих обществах 3—5 чел. главарей и действуйте по их приказам. Если во время вашей работы кто-либо из вас будет обнаружен эмирским правительством, то такому надо прямо бежать в Каган, а оттуда явиться в город Ташкент. В Ташкенте имеется ваш комитет, который обеспечит вас вполне и подготовит вас для дальнейших работ. Этот комитет—Туркестанское Центральное Бюро революционных младо-бухарцев.

Будьте внимательны, не поддавайтесь обману хитрых и подлых беков, ваших военачальников и эмира.

Если, что вам не ясно, обращайтесь за советами и разъяснениями в наш Каганский Комитет.

Да здравствуют Бухарские красные войска!

Да здравствуют Революция и свобода!

Да здравствуют Революционные младо-бухарцы!

Да здравствует Союз свободолюбивых русских красновардейцев с бухарским революционным войском!

Долой тиранство!

Смерть эмиру и бекам!

Туркестанское Центральное Бюро
Революционных младо-бухарцев.

Угнетенные народы Бухары!*)

Дорогие сородичи!

Если вы внимательно посмотрите на современное Правительство Бухары, на эмира Бухары, на чиновников Бухары, на беков Бухары, на духовенство Бухары, то станет всем вам ясно, что они ведут вас и вашу дорогую родину к гибели.

Правительство Бухары, во время царствования Николая, всю вашу судьбу передало в руки чиновников Николая, а само жило и тратило все ваше имущество для собственного удовольствия и для разврата.

По приказанию русского консула, оно налагало аресты на ваши имущества, ограбляло ваши дома; по приказанию какого-нибудь Банка или служащего какой-либо фирмы (конторы) продавало ваши домашние вещи и вещи ваших жен и детей, а вас самих и ваших детей бросало в „зиндан“ (тюрьму) и в темницы.

Ради чего делались эти действия?

Ради того, чтобы угождать Николаю и его чиновникам, и под их покровительством самим проводить время для собственного удовольствия в Москве, Петербурге и Ялте.

Бухарское правительство считало себя защитником шариата и якобы действовало всегда по шариату, но если хорошенько разобраться в его действиях, то ясно можно видеть, что ни одно из его действий не соответствовало шариату. Так, например, оно брало у вас недозволенную шариатом подать «*амцнана*», против шариата отбирало у вас весь урожай с ваших земель, против шариата брало у вас с вашего имущества несколько раз в год «зекат», взыскивало с вас «зекат» даже за тех баранов, которых у вас никогда не было и которые значились только в книгах сборщиков «зеката»; если между вами было какое-либо спорное дело, то этот спор разбирался до тех пор, пока у вас никакого имущества не оставалось, т. е. пока вы совершенно не разорялись.

Точно также в их личной жизни шариат никогда не соблюдался. Собирая вокруг себя мусульманских детей, они развращали их, а девиц по шариату они считали своими дочерьми и создавали из них для себя гаремы.

Визирь (министры) и беки—чиновники также всегда поддерживали противные шариату действия эмира; от имени эмира они также отбирали у вас имущество, незначительную часть отобранного у вас преподносили в виде подарка эмиру, а все остальное обращали в свою личную пользу.

Казии и духовные лица, считающие себя наследниками пророка Магомета, ради карьеры и сохранения своих насыщенных мест, совершенно закрывают глаза на противные шариату действия правительства, даже помогают эмиру и его визирам в их грязных делах. Так как казии содержатся за счет выморочных средств населения, то по шариату они обязаны бесплатно обслуживать все нужды населения. Но они стараются получить место казия, ради карьеры и наживы, давая при этом эмиру и его чиновникам, в форме подарка, взятки.

Затем, заделавшись казиями какого-либо вилайета или тюмана, они возбуждают при помощи аксакалов разные судебные дела и под разными предлогами, за приложение печати, за услугу, за раздел, за развод, бе-

*) Воззвание к населению на фарсидском языке.

рут через этих же аксакалов разную плату и, таким образом, разоряют мирных жителей.

Присвоение имущества малолетних наследников считают они чище молока своих матерей и не было ни одного случая в практике их, чтобы какой-либо малолетний наследник получил полностью свое наследственное имущество.

Казии и беки, которые больше всех кричат о шариате, собственных своих дочерей сперва предоставляют эмиру, а затем уже по разрешению его выдают их замуж.

Подумайте только, в каком месте земного шара делаются такие бесовские вещи, и все во имя шариата.

Младо-бухарцы, видя вне Бухары другую, культурную жизнь народов, никак не могут примириться с гибелью страны и народа, с таким неслыханным извращением шариата. Они видят, что единственным спасением родины от гибели является развитие просвещения и поэтому они начали сами учиться и учить детей своей родины.

Но правительство Бухары и бухарские муллы, чувствуя и видя, что если дети народа будут учиться и начнут просвещаться, тогда могут раскрыться все их деяния, начали для отвода глаз темного народа именем шариата принимать все меры против ученья. Подумайте только, те люди, которые проводят время в разврате с женщинами, присваивают имущества малолетних, грабят население и бедняков, предоставляют своих дочерей эмиру и его визирам,—именем шариата запрещают ученье.

Конечно, все это—предлоги для грабежа народа,—в действительности шариат никогда не запрещал учиться.

Такое положение было и могло быть только во время царствования Николая и есть сейчас при царствовании эмира.

Когда русская революция сбросила корону и престол Николая в черную яму, то из-за этого больше всего опечалились бухарский эмир и бухарское правительство, так как с гибелью своего покровителя бухарские правители лишились веселой жизни в Ялте и т. д.

Младо-бухарцы же были рады этим событиям, так как они знали, что с уничтожением власти Николая связано и освобождение Бухары от угнетения.

После русской революции младо-бухарцы взялись еще энергичнее и серьезнее за дело ученья, за жизнь на основе подлинных законов шариата, за уничтожение угнетения, дабы этими тремя путями сделать родину цветущей, свободной и культурной.

Хотя эмир вначале согласился объявить свободы, но через 24 часа отменил свой манифест и начал еще больше терроризировать население, угнетать его в сто раз сильнее, чем раньше.

Советская власть в России дала всем народам свободу национального самоопределения, также и бухарскому народу дала возможность свободного самоопределения.

Но бухарское правительство, вместо того, чтобы дать свободу своему народу, начало еще более беспощадно угнетать свой народ. Все народное достояние, бухарский эмир считает при настоящем положении своей собственностью, если он пожелает отобрать у кого-либо из граждан имущество и его детей, то отберет, если пожелает кого-нибудь убить, то может убить и убивает. И все это делается им во имя шариата.

Разве таким должно быть правительство Ислама и шариата?

Так ли учит Ислам?

Есть такое предание: во время Халифа Омара, однажды к нему зашел современник Магомета и, увидя у Омара на столе чашку с медом и чашку с салом, хотел возвратиться назад.

На вопрос Халифа Омара, почему он так поступает, современник Магомета ответил ему, что с правителем, который кушает из двух блюд, он сидеть вместе не может.

Тогда Халиф разяснил ему, что мед у него для кушанья, а сало же для смазки сапог. Так ли по шариату делает эмир?

Так ли поступали с народным достоянием правители Ислама? Так ли делают бухарские правители?

Они развратничают на народные деньги и после этого считают себя правителями Ислама и защитниками шариата.

Между поступками тех и других разница, конечно, громадная.

Помимо угнетения своего народа, расхищения народного достояния и разврата, бухарское правительство находится еще в дружеских отношениях с Англией, т. е. с тем государством, которое считается врагом всего Ислама и которое разрушает, бомбардируя, *Мекку* и *Медину*, желает очистить весь мир от Ислама.

Бухарский эмир все это делает ради того, чтобы в случае бегства из Бухары иметь возможность отправить в Лондон все золото, серебро, драгоценности, каракуль, которые принадлежат бухарскому народу.

Дорогие братья, дорогие сородичи!

Откройте ваши глаза и посмотрите на действия бухарских правителей.

Не допускайте этим безбожникам угнетать себя!

Не допускайте больше им расхищать народное достояние!

Никого не бойтесь—правда на вашей стороне!

Не бойтесь—вся сила у вас!

Не бойтесь—все пушки, винтовки ваши!

Все солдаты и добровольцы на вашей стороне!

Не верьте муллам: они—сторонники эмира и идут против шариата!

Спросите об учении шариата у тех мулл, которые имеют совесть и верят в чистый шариат.

Идите с нами! Мы, младо-бухарцы,—ваши дети и мы готовы вам помочь.

Мы, младо-бухарцы, для уничтожения угнетения и проведения в жизнь настоящего шариата и свободы уже не раз складывали головы и в будущем готовы жертвовать собою.

Мы идем на жертву сознательно и будем бороться за счастье нашей родины до последней капли крови!

Проснитесь, дорогие братья!

Центральный Комитет революционных младо-бухарцев.

Подготовка бухарской сентябрьской революции 1920 года.

Этот период от приезда Турккомиссии до бухарской революции 1920 года был решающим в жизни младо-бухарской эмиграции, так как он непосредственно был посвящен подготовке сентябрьской революции в Бухаре.

Обе группы младо-бухарских эмигрантов развили энергичную деятельность, как вне, так и внутри Бухары.

Группа коммунистов окрепла и численно возросла за счет, главным образом, некоторой части, бежавших из Бухары солдат. Она имела свой печатный орган, газету «Кутулюш», вокруг которой сгруппировались, в качестве сотрудников, но не членов партии, перед этим временно отошедшие от работы бывшие правые джаиды: *Айни, Абдул Вахид Бурханов и Абдусaidов*, а также вновь, после продолжительного с самой манифестации 1917 года отсутствия в младо-бухарских рядах, возвратившийся к политической деятельности и вошедший в Коммунистическую партию—*Абду-Кадыр Мухетдинов*.

Параллельно с коммунистической энергично работала и вторая младо-бухарская группа, объединившаяся вокруг уже мною упомянутой газеты «Учкун».

В эту группу входили следующие из наиболее видных эмигрантов: *Пулатов, Усман-Ходжаев, Мукаmil Бурханов, я. Муинджан Аминов и Изатулла Аминов*.

Наша группа также, как и коммунистическая, имела комитеты во всех пограничных с Бухарой городах Туркестана и была крепко связана с нелегальными организациями внутри бухарского ханства, особенно сильными в Старой Бухаре, Керках, Чарджуе и Шахризйбсе. Она была весьма популярна в Бухаре и имела, кроме членов нелегальных ячеек, еще массу сочувствующих почти из всех слоев населения: из буржуазной и интеллигентской молодежи, мелких торговцев, кустарей, крестьян и солдат.

Нашей группой велась среди населения Бухары большая агитационная и организационная работа от имени младо-бухарской партии, представительницей которой считала себя Ташкентская эмигрантская группа объединяющаяся под именем Туркестанского Бюро революционной младо-бухарской партии.

Между обеими группами эмиграции существовал целый ряд принципиальных разногласий, о которых необходимо сказать несколько слов, поскольку они имели весьма серьезное значение, как в период подготовки сентябрьской революции, так и в первые дни существования Советской Бухары.

Все же, несмотря на существование разногласий, в основном, в главном обе группы были совершенно солидарны: обе считали необходимым вести борьбу с эмиратом до его полной ликвидации, и обе сходились на необходимости установления в Бухаре советской формы государственного строя.

Туркестанское Бюро Революционной младо-бухарской партии, стремясь к объединению обеих групп младо-бухарцев, неоднократно указывало, как на страницах своей печати, так и в устных заявлениях своих представителей, на свою полную готовность объединиться с коммунистической группой младо-бухарцев, при условии выработки соглашения по целому ряду тактических вопросов. Туркестанское Бюро предлагало выработать конкретный, приемлимый для обеих групп план работы, который бы дал обеим группам возможность сообща работать, отложив момент формального слияния до победы революции в Бухаре.

Свое желание отсрочить момент формального слияния до победы над эмиратом Туркестанское Бюро мотивировало следующими тремя соображениями:

1) Объединение обеих групп под коммунистическим знаменем не даст многим эмигрантам возможности работать, поскольку они не разделяют

идей коммунизма, выбросит их из рядов революции и, тем самым, ослабит ее силы в момент, когда сплочение всех революционеров, ненавидящих эмират, несмотря на разные оттенки политический мысли совершенно необходимо.

2) Формальное объединение с коммунистами под их знаменем сузит нашу социальную базу внутри Бухары, ослабит наши силы, ибо после такого объединения от нас отшатнутся все группы, хотя и революционные и враждебные эмиру, но в то же время совершенно чуждые коммунизму и боящиеся его, и все же такие, которые с восторгом пойдут против эмирата под знаменем Революции. Поэтому Туркестанское Бюро полагает, что не следует преждевременно выкидывать лозунг коммунизма, чтобы не отпугнуть имущих групп революционеров, буржуазную молодежь, мелких торговцев и чуждую коммунизму часть революционной интеллигенции.

3) Наконец, последним аргументом против немедленного слияния являлась мысль, что нельзя игнорировать революционного прошлого, нельзя просто зачеркнуть 20-тилетнюю работу джадидизма, пустившего, несмотря на преследования и неудачи, глубокие корни в прогрессивной части Бухарского общества, что, наоборот, все это революционное наследие джадидизма надо всемерно использовать для сплочения всех революционных сил против эмира.

Коммунистическая группа, наоборот, держалась непримиримо. Она, стремясь занять доминирующее положение в Бухарском революционном движении, ставила обязательным условием соглашения полную ликвидацию Туркестанского Бюро и особого названия нашей группы, и немедленное объединение вокруг коммунистического ЦК, как Туркестанских комитетов, так и нелегальных организаций в Бухаре.

Конечно, Туркестанское Бюро, в силу только что приведенных здесь соображений, не могло принять предлагаемые коммунистической группой условия, и соглашение между ними не состоялось.

Обе организации продолжали параллельную работу и даже еще более отдалились друг от друга. И прежде бывшие натянутыми отношения между руководителями обеих групп, после несостоявшегося соглашения, еще более обострились, и скоро рознь между группами передалась на места.

Взаимные недоразумения и даже столкновения росли, совершенно парализуя все успехи в революционной работе, пока в дело не вмешалось Туркбюро ЦК РКП (б).

По инициативе тов. *Фрунзе*, который, находясь в Туркестане, все время принимал деятельное участие в революционной работе младо-бухарцев, и Совета Интернациональной пропаганды было создано, для урегулирования взаимоотношений между обеими группами младо-бухарцев и установления методов дальнейшей революционной работы в Бухаре, совещание, на которое были приглашены представители обеих младо-бухарских групп.

От Туркбюро младо-бухарцев присутствовали: Муинджан *Аминов*, Пулатов и я, от коммунистической группы: *Мирза Бохран* и *Арифов**). Последний был новым работником организации, и до этого заседания я никогда с ним не встречался.

*) Позднее, после революции, Арифов был выдвинут в члены Ревкома и на пост назир по военным делам. В период ожесточенной борьбы с басмачеством в 1922 г. в бою под Кермине перешел на сторону врагов соввласти и долгое время был ближайшим сотрудником Энвер-паши.

На этом совещании вновь был поставлен вопрос об объединении и, кроме того, Арифов выдвинул еще новый вопрос о программе младо-бухарской партии. Он доказывал, что программа, выработанная Туркбюро революционной младо-бухарской партии, несовместима с идеями коммунизма и является моментом, препятствующим объединению. Он говорил, что вышеупомянутые заявления, сделанные Туркбюро по вопросу об объединении, якобы лицемерны и ложны. Правда, Арифов, критикуя выработанную Туркбюро младо-бухарцев программу, не смог ничего возразить против ее основных положений и даже соглашался с тем, что она, в качестве программы минимум, является приемлимой и для представляемой им группы, но это не мешало ему жестоко нападать на младо-бухарскую программу за ее редакцию. Он считал, что слова, с которых начинается объяснение младо-бухарских требований, а именно: «религия и шариат были противниками эксплуатации бедного люда», являются неустрашимым препятствием для объединения, что они не совместимы с требованием реформы и т. д.

Я, отвечая Арифову, изложил сущность наших условий объединения, рассказал историю создания программы, поскольку Арифов, как и большинство участников совещания, не был знаком с историей развития революционного движения в Бухаре, и указывал совещанию, что смутившие Арифова слова объясняются своеобразием тактических приемов пропаганды в Бухаре, к сожалению, мало ему знакомых.

Я, в качестве представителя Туркбюро младо-бухарской партии, огласил его постановление, в котором говорилось о полном принципиальном признании программ Коммунистической партии, за которую, как за конечную цель, Бюро считало необходимым бороться.

Дальше, я привел уже упоминавшиеся соображения о том, что необходимо выработать конкретные условия для возможности дальнейшей совместной работы по подготовке революции в Бухаре.

Я говорил, что сейчас следует сохранить в организации всех, кто так или иначе может быть полезен делу Революции, и поэтому, чтобы не отпугнуть правую часть младо-бухарцев, момент объединения в единую коммунистическую организацию следует отложить до победы революции в Бухаре, после чего обеим группам можно и нужно будет, очистившись от временных, случайных союзников, имевшихся у обеих групп, слиться воедино под знаменем коммунизма.

Совещание, происходившее под председательством тов. Куйбышева, с участием таких видных работников Туркестана, как т.г. Тюрякулов и Гопнер, постановило: коммунистическим частям обеих групп объединиться в единую коммунистическую организацию, но принимая во внимание соображения, изложенные представителем Туркбюро младо-бухарцев, согласиться пока на самостоятельное существование Туркбюро, предложив обеим группам тотчас же начать совместную конкретную революционную работу.

С момента принятия этого постановления сглаживаются и ликвидируются конфликты практического порядка, возникшие на почве организационных вопросов и увязки действий обеих младо-бухарских кругов внутри Бухары; вопросы же принципиального характера больше не могли быть препятствием для совместной дружной работы, поскольку принципиальное решение вопроса было найдено в постановлении Туркбюро ЦК РКП (б).

Для практического оформления принятого Туркбюро ЦК РКП (б) решения не хватало только революции в Бухаре.

Бухарская революция 1920 года окончательно подвела итоги возникшему после русской революции 1905 г. джадидскому движению.

Решение Туркбюро ЦК РКП (б) осуществилось на деле: коммунистические части обеих младо-бухарских групп слились воедино, в Коммунистическую партию Бухары,—часть единой Российской Коммунистической партии.

Другая часть бывших джадидов, не понявшая и не принявшая Октября, совсем отошла от революции.

Так, к моменту сентябрьской революции окончательно оформилось вызванное Октябрем и его последствиями расслоение джадидской организации, генеральное размежевание ее на две части: Коммунистическую партию Бухары, слившую свои судьбы с судьбами русской Октябрьской Революции и мировым коммунистическим движением, с борьбой за мировую социальную революцию, и правую часть джадидов, оставшуюся на до-октябрьских, а отчасти дофевральских позициях, с неизжитой националистической идеологией.

Эти последние, старые джади́ды, остались неизменными, и жизнь, в корне изменившаяся, прошла мимо них.

Они остались вне жизни, ибо ничему не научились из уроков революции и ничего не позабыли из дореволюционного арсенала джадидских идей.

Они и по сей день не желают замечать того мощного революционного движения, которое охватило все страны мира, в том числе и Среднюю Азию.

Великого сдвига, происшедшего в умах трудящихся масс, они не видят. Они все еще считают нашу сегодняшнюю и ежедневную борьбу за сытую жизнь, за культуру, за предпосылки социалистического строительства чем то временным, не серьезным и чуждым духу народов Средней Азии.

Они по прежнему мечтают о самостоятельных буржуазных, конституционных государствах, территориально совпадающих с прежними Бухарой, Хивой, Туркестаном, быть может несоветских.

Старые мечты об объединении народов Средней Азии, но не под знаменем коммунизма, а, вернее, пантюркизма или даже панисламизма, все еще тревожат их, в общем, хороший сон.

Я говорю, что их сон—хорош, ибо даже гром Октябрьских пушек в Ленинграде, Москве и Ташкенте не разбудил этой части джадидов, не заставил их очнуться, призадуматься и по-новому переоценить свои идеалы.

Они своим непониманием всего послереволюционного периода, непониманием всего того нового, что купил ценою тяжких страданий в жестокой революционной борьбе их народ, сами выбросили себя из общественной жизни.

Многих из них не коснулось даже влияние младо-бухарского движения, которое после февральской революции, манифестации и мартовских событий в Бухаре, определенно перешло на платформу Республики, революционного действия и теснейшего сотрудничества с русской революцией.

Они проморгали даже февраль.

В этой эволюции джадидизма туркестанские джади́ды не представляют исключения. Несмотря на разницу в путях развития по сравнению с джади́дами бухарскими, о которой говорилось в начале этой работы, туркестанские джади́ды пошли по тому же пути расслоения, что и джа-

диды Бухары, хотя их социальный облик за время революции изменился очень мало.

Русская революция не могла пройти и не прошла для них бесследно.

Они еще в меньшей мере, чем джадиды Бухары, не сумели сделаться массовой организацией рабочих и крестьянских масс.

Большая часть туркестанских джадидов не поняла революции и осталась при своей прежней национально-буржуазной идеологии, меньшая—наиболее передовые представители интеллигенции и трудящихся—примкнула к коммунизму.

Разница с бухарскими джадидами здесь только в том, что туркестанские джадиды, непосредственно в революции не участвовавшие и эмирским репрессиям не подвергавшиеся, в большей, чем бухарские джадиды, чистоте сохранили свой первоначальный облик.

Но довольно об этом, перейдем к дальнейшему изложению событий.

Чарджуйский съезд и падение эмира.

Наконец, наступил долгожданный час непосредственного революционного действия, наступили величайшие дни в жизни младо-бухарской партии и трудового народа Бухары; наступил момент, когда благоприятно сложившиеся обстоятельства позволили во второй раз поставить практически вопрос о низвержении эмира вооруженной рукой, с помощью братского пролетариата России и его Красной армии.

В Чарджуе собрался съезд младо-бухарцев коммунистов, на котором кроме других вопросов был поставлен вопрос об объединении обеих младо-бухарских групп, согласно точному смыслу принятого совещанием Туркбюро ЦК РКП постановления, а также вопрос о вооруженной борьбе с эмиратом.

Чарджуй, как место съезда, был выбран не случайно. Дело в том, что Чарджуй, будучи рабочим районом по линии железной дороги, был оппозиционно настроен к эмирскому правительству, как и весь Чарджуйский район, где малоземельное, бедное крестьянство было совершенно истощено огромными затратами на орошение и непосильными эмирскими налогами; к тому же значительная часть чарджуйского крестьянства—по национальности туркмены—была раздражена притеснениями эмирской администрации, в большинстве узбеками, хотя, вообще говоря, количество туркмен в эмирской администрации было очень значительно, так как эмир систематически проводил политику привлечения к своему управлению и наделения всякими чинами и доходами с земель „танхо“ и т. д. всех сколько-нибудь влиятельных родовых и племенных вождей. В начале нашей работы мы уже говорили о подобном явлении, процветавшем в Восточной Бухаре; оно было повсеместно.

Однако для данного Чарджуйского района эмир считал нужным администрацию назначить узбекскую, что еще более революционизировало и без того недовольное туркменское население.

Итак, местом съезда был выбран Чарджуй.

На съезде были разрешены в положительном смысле два главных вопроса: о слиянии обеих младо-бухарских групп и о вооруженном восстании.

Съезд тотчас же приступил к соответствующим действиям.

Оба комитета усилили нелегальную работу; в Новый Чарджуй было переброшено значительное количество эмигрантов и перешедших к нам

эмирских солдат. Одновременно, по приказу тов. *Фрунзе*, были оттянуты к Бухаре по линиям железной дороги части Красной армии, в состав которых входил и так называемый восточно-мусульманский полк, в котором было много дезертировавших из эмирской армии солдат и эмигрировавших за последнее время бухарских крестьян.

Закончился Чарджуйский съезд.

Работники организации были распределены по местам, после чего руководители обоих комитетов выехали в Ташкент на совещание по координированию действий всех собранных сил.

Огромную роль в подготовке сентябрьского вооруженного выступления против эмира сыграли Каганские комитеты обеих младо-бухарских групп, дружно и активно работавшие в этот последний час эмирского режима.

Особенно активно в этой работе проявили себя в коммунистическом комитете: *Мухтар Саиджанов*, *Ходжи Хасан Ибраимов*, *Раджаб Мухамедиев* и *Касым Кариев*, а в младо-бухарском—*Пулатов*, *Атта Ходжаев*, *Музафаров*, *Саидов* и *Мулла Туи*.

В назначенный день, 1-го сентября 1920 года, восставшие дехкане и наши вооруженные отряды без боя заняли Чарджуй.

В тот же час было выпущено к населению всего бухарского ханства воззвание, официальное оповещение о целях движения. В этом-же воззвании был призыв к правительству, пролетариату и Красной армии РСФСР помочь трудовому народу Бухары в борьбе его с вооруженными силами эмира.

Красная армия не заставляла себя долго ждать, она пришла тотчас же на помощь, и 2-го сентября, после 26-тичасового боя была занята восставшими Старая Бухара, покинутая эмиром и его правительством, которые бежали в Афганистан.

Новому правительству, образованному из двух высших государственных установлений: Ревкома и Совнаркома,—удалось арестовать из высших сановников эмира только несколько человек; большинство бежало.

Ревком был образован из председателя тов. *Абдусаидова* и членов: *Аминова*, *Акчурина*, *Арифова*, *Юсупова*, *Имбурханова*, *Ходжи Хасан Ибраимова*, *Файзулла Ходжаева*, *Куль Мухамедова* и Совет Народных Комиссаров (назирова) в составе:

Председатель и Нарком Индел—*Файзулла Ходжаев*.

Нарком прос.—*Пулатов*.

» зем.—*Абд. Мухидинов*.

» внудел—*Мухтар Саиджанов*.

» фин.—*Усман Ходжаев*.

» госкон—*Хусаинов*.

» пред. ЧК—*Ибраимов*.

» юст—*Мух Бурханов*.

» воен.—*Шегабутдинов*.

Спустя несколько месяцев, был созван в освобожденной Бухаре съезд представителей народов Бухары, который и установил окончательно новые формы бухарской государственности, объявив Бухару Народной Советской Республикой.

Революционный Комитет Бухары.

С и д я т: справа налево — Бурханов, Хусаинов, Акчурин, Аминов, Файзулла Ходжаев, Мухитдинов, Арифов, Исаходжаев.

Степи стоящих по середине тов. Кудайберг

Итоги джадидизма.

Вот как началось и завершилось в непрерывном процессе революционной подготовки, революционных боев, побед и отступлений начатое почти 20 лет назад дело джадидизма, дело борьбы за раскрепощение бухарского народа, за новую сытую и культурную его жизнь.

Много времени прошло с того дня, как впервые джадида начали дело просвещения народа, борьбы за облегчение его тяжелой жизни.

На длительном, извилистом и трудном пути от первых робких шагов в сторону европеизации, прогресса и хотя какой-либо правовой государственности до создания Коммунистической партии Бухары, низвержения эмирата и конкретной работы по постройке и укреплению Советской Бухары, на этом трудном пути из идейного арсенала старого джадидизма многое подверглось ревизии и пересмотру; от многого пришлось отказаться, многое принять, переварить нового, такого, на что не было даже намека в раннем джадидизме.

Далеко не все старые джадида справились с этой нелегкой задачей, многие, очень многие из прежних соратников отстали от дороги. Не сумев понять новой исторической обстановки, они остались вне общественной жизни. Проглядев всемирно историческое значение Октябрьской революции, не учтя сдвига, происшедшего за войну, и революции в широких народных массах, многие старые джадида вдруг с удивлением увидели, что другие люди частью пришедшие извне, а частью созревшие в самой джадидской, впоследствии, младо-бухарской организации, хотя медленно и с трудом в неустанной борьбе за каждую пядь земли, но все же прошли весь революционный путь, и, после падения эмирата, стали строить и укреплять Советскую Бухару.

